

A low-angle, upward-looking photograph of several tall skyscrapers with glass facades, creating a sense of height and scale. The sky is a pale blue with some light clouds. The text is overlaid on this background.

ТОНИ КЕНТ

ОБРЕЧЕН НА СМЕРТЬ

Ужасный секрет из прошлого,
от которого не сбежать.

Игра на выживание: серьезный детектив

Тони Кент

Обречен на смерть

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кент Т.

Обречен на смерть / Т. Кент — «Эксмо», 2019 — (Игра на выживание: серьезный детектив)

ISBN 978-5-04-116047-0

Лондон потрясен ужасной смертью Филиппа Лонгмана. Бывший лорд главный судья был распят, и главному инспектору Джоэлле Леви поручено найти его убийцу. Пятьдесят лет судебной практики означает множество потенциальных врагов. Только идентичное убийство дает луч надежды: что связывает этих жертв, которых постиг такой мучительный конец? Тем временем репортер Сара Трумэн начинает собственное расследование, не подозревая, что след приведет ее к собственной парадной двери и жениху Майклу Девлину.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116047-0

© Кент Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Один	6
Два	8
Три	10
Четыре	12
Пять	15
Шесть	18
Семь	20
Восемь	23
Девять	25
Десять	26
Одиннадцать	29
Двенадцать	32
Тринадцать	35
Четырнадцать	41
Пятнадцать	45
Шестнадцать	47
Семнадцать	49
Восемнадцать	53
Девятнадцать	58
Двадцать	63
Двадцать один	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Тони Кент

Обречен на смерть

Посвящается Виктории и Джозефу.

Благодаря вам эта книга состоялась

Tony Kent

Marked for death

Copyright © Tony Kent 2019

First published by Elliott & Thompson Ltd www.eandtbooks.com

This edition published by arrangement with Elliott & Thompson Ltd,

Louisa Pritchard Associates and The Van Lear Agency LLC

© Chang Lee / Shutterstock.com

© Берёзко Д., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Один

Звук бьющегося стекла не разбудил Филиппа Лонгмана. Для этого ему нужно было бы спать, а его дряхлое тело больше не требовало сна.

С укрепленной секции потолка свисали металлические поручни. Лонгман ухватился за них так крепко, как только могли его слабые руки. Превозмогая себя, он подтянул тело вверх. Автоматический матрас последовал за ним, призванный поддержать, если силы его покинут. Лонгман был гордым человеком. Слишком гордым для того, чтобы его поднимало механическое ложе. Слишком гордым для сигнализации. Но гордость не могла удержать его в вертикальном положении. Матрас был единственной уступкой Лонгмана своему чахнущему телу.

Комнату заполнили звуки прилагаемых им усилий. Тяжелое дыхание. Пыхтение. Стоны. В молодости Лонгман вел активный образ жизни. Даже в шестьдесят он выгодно отличался от сверстников физически. Но его шестьдесят давно остались в прошлом. Теперь он едва мог слезть с кровати.

Наконец-то подоспевший матрас прижался к спине Лонгмана, принимая на себя большую часть веса. Лонгман отпустил поручни, и в комнату вернулась тишина.

Лонгман прислушался.

Этот звук невозможно было перепутать ни с чем. То, как бьется стекло, различил бы и его слабый слух. Но определить источник шума было уже труднее. Упала пепельница? Винный бокал? Или разбилось окно, чтобы некто мог войти без приглашения? Не то чтобы какой-то из этих вариантов был лучше или хуже остальных. В пустом доме, где обитал только восьмидесятипятилетний вдовец, каждый из них сулил неприятности.

Лонгман напряг слух. Поначалу до него не доносилось ни звука. По крайней мере, он не мог различить ни звука.

Дом был большой. А с тех пор как умерла жена, а дети переехали, стал казаться слишком большим. Но Лонгман не мог заставить себя перебраться на новое место. Покинуть семейную обитель, где прожил пятьдесят лет. Он знал этот дом вдоль и поперек.

Именно из-за этого знания следующий звук наполнил его тревогой. Скрип первой ступеньки главной лестницы.

Характерный звук для дома, возведенного десятки лет назад. Днем, когда приходила домработница, этот скрип казался самым естественным на свете. Но сейчас, когда часы у кровати показывали три часа ночи? В такое время он внушал ужас.

За скрипом последовали шаги, но их заглушил шорох отброшенного одеяла, из-под которого Лонгман высвободил свои хилые ноги. Двигаясь всем телом из-за боли, причиняемой артритом, он спустил ноги с края кровати на пол. Муки были невыносимы: последний раз он перемещался так быстро лет пять назад, когда его тазобедренные суставы еще работали. Но он постарался не обращать внимания на агонию и кое-как встал на ноги, держась для опоры за столбик кровати.

Дыхание сбилось, сердце с шумом качало кровь. Но Лонгман заставил себя доковылять до гардеробной в дальнем углу комнаты. Впервые за многие годы он преодолел это расстояние без помощи трости или ходунков. Добравшись до двери, он споткнулся от изнеможения. Только адреналин не позволил ему упасть.

Восстановив равновесие, Лонгман схватил ручку гардеробной и мгновение помедлил, затаив дыхание, чтобы лучше слышать. В ушах пульсировало, натруженное сердце, казалось, не выдержит. И все-таки было достаточно тихо, чтобы он мог слышать шаги.

Лонгман переместил вес с ручки на дверной косяк, давая двери распахнуться. Едва та открылась, он проник внутрь. Нашупал в темноте выключатель и нажал его ровно в тот момент, когда шаги затихли у двери спальни.

В первую секунду свет ослепил его, но глаза Лонгмана быстро приспособились. Открывшаяся им картина, однако, не стоила приложенных усилий. Надежда, что поддерживала его всю дорогу до гардеробной, угасла с первым же вздохом.

«Что я рассчитывал найти? – подумал Лонгман. – И вообще, какое, к черту, оружие мне сейчас помогло бы?»

Лонгман не слышал, как открылась дверь, но присущее любому человеку шестое чувство – чувство, сообщающее нам, что мы не одни, – с возрастом не ослабло. В спальне кто-то был. Лонгман знал это еще до того, как повернулся посмотреть, кто это.

– Вы? – В его восклицании прозвучало скорее обвинение, чем потрясение.

Дело было в глазах. Самых бездушных, какие доводилось видеть Лонгману. Он узнал бы их где угодно.

– Вы помните меня.

Ответ был констатацией факта и казался таким же зловещим, как и весь облик говорящего. Прирожденного хищника.

– Некоторые вещи не забываются. – Все в этом человеке было таким, как помнил Лонгман. – Как и некоторые люди.

Губы хищника растянулись в улыбке, но светлые глаза остались холодными. Это была триумфальная, но не счастливая улыбка.

– Верно.

Человек приблизился. Его движения были медленными. Точными. Как у гадюки, готовящейся к броску.

– Хорошо, что у вас сохранился рассудок, – сказал он. – Несмотря на возраст.

– Какое это имеет значение? – с вызовом ответил старик. Эти безжалостные светлые глаза сообщили ему, что его ждет. Но он не собирался встречать судьбу стоя на коленях.

– О-о, имеет.

Впервые за время разговора в голосе послышалась жизнь. Реакция на жар Лонгмана. Но это не добавило голосу тепла.

Между ними было теперь всего несколько сантиметров, и запястье Лонгмана стиснула железная рука.

– Потому что это значит, что вы прочувствуете каждую секунду того, что вам предстоит.

Два

Майкл Девлин отер запотевшее зеркало ванной. На него смотрело его отражение. Голое по пояс, с испещренным шрамами торсом. Это были следы ранений, которые редко встречаются у людей его якобы цивилизованной профессии. Постоянное напоминание о более богатой на события жизни, чем он мог раньше себе вообразить.

Майкл подставил руки под струю горячей воды и выплеснул набравшуюся лужицу на уже мокрое лицо. Шрам под левой бровью жарко зашипало. Ощущение было знакомым. Еще одна старая рана.

Несколько минут спустя он был гладко выбрит. Процедура завершилась погружением головы в раковину с холодной водой. Это был важный утренний ритуал, призванный моментально привести его в состояние бодрости и готовности к предстоящему дню.

Избавившись от тумана в голове, он вытерся и закончил приготовления, надев сшитый на заказ полосатый костюм-тройку, подчеркивавший его высокую треугольную фигуру.

Майкл не был щеголем, но понимал, насколько важен внешний вид. Первое впечатление имело большое значение.

Наконец он направился вниз.

Хозяйская спальня и ванная в его доме в Челси располагались на втором этаже. Оттуда лестница вела наверх, к трем другим спальням и кабинету Майкла, и вниз, к еще одной большой спальне. У подножия лестницы находились холл, стандартная парадная гостиная, которой почти не пользовались, а также огромная кухня, ставшая причиной тому, что гостиная пустовала.

Сейчас на кухне царил суматоха. Едва переступив порог, Майкл попал в облако дыма, поднимавшегося во все стороны от большой плиты в дальнем конце комнаты.

Улыбнувшись и покачав головой, Майкл выскочил из кухни, расстегнул пуговицы, снял пиджак и повесил его в прихожей, где ему не угрожали кухонные пары.

– Я знаю, что ты там, Майкл Девлин! – Сквозь доносящиеся из кухонного радио британские голоса он услышал американский акцент Сары Труман. – Тащи сюда свою задницу, завтрак ждет!

Майкл снова шагнул через порог и расплылся в еще более широкой улыбке, наблюдая царящий на кухне хаос. Дым валит от сковородки с толстым дном, в которой содержалось нечто, что когда-то, вероятно, было беконом. Менее драматическое впечатление производила яичница, уже разложенная по тарелкам. А что это там шипит в кастрюле с тушеной фасолью?

«Лучше не спрашивать», – решил Майкл.

– Как всегда, просто и без напряжения, правда, милая? – спросил он, подходя к Саре со спины и обвивая ее рукой за талию.

– У меня нет сегодня времени на твои дурацкие игры, Майкл, – не оборачиваясь, бросила Сара. Она никак не отреагировала на поцелуй, оставленный им на ее шее. Вместо этого потянулась за тарелкой, чтобы добавить к яичнице остальные составляющие завтрака.

– Теперь садись за стол.

– Как же мне это сделать? – Произнося эти слова, Майкл одной рукой забрал у Сары тарелку. Поднял высоко над головой, чтобы она не могла дотянуться. Другой рукой, уже обвиняющей ее за талию, притянул ее к себе. – Когда прямо передо мной стоит самая прекрасная женщина в Лондоне?

– Я сейчас сковородку уроню! – засмеялась Сара, когда Майкл притянул ее еще ближе, прижимая спиной к груди. Он зарылся свежевыбритым лицом в ее волосы, снова целуя в шею. На этот раз поцелуй принес желаемый отклик: Сара повернула голову и встретилась с ним губами.

– Ну что, доволен? – спросила она, отстраняясь настолько, насколько смогла.

– Так доволен, как только может быть довольным человек в горящем доме, – ответил Майкл, со смехом отпуская ее.

– Да пошел ты, Девлин! – Ее притворный гнев вышел очень достоверно, но Майкл не купился. – Все не так плохо.

– Не так плохо? – Смеясь, Майкл потянулся ей через плечо и включил вытяжку на полную мощность. – Я чуть не побежал искать огнетушитель.

– Ты хочешь завтракать или нет?

«Честно?» – подумал Майкл. Но взглянул в изумрудные глаза Сары и прикусил язык.

– Да-да, конечно, – вместо этого ответил он. – Прости.

– Не за что извиняться. – Казалось, Сару огорчила собственная вспышка. – Просто я не сильна в готовке, вот и бешусь.

– Понимаю, – ответил Майкл, ставя на стол два стакана свежевыжатого апельсинового сока, прежде чем сесть. – Но не бывает так, чтобы у тебя все получалось. Иногда нужно признать лимит своих способностей.

– И это говорит человек, обожающий соперничать, – засмеялась Сара, разложила еду по тарелкам, поставила их на стол и села.

Майкл наблюдал за ней, дивясь тому, как изменилась его жизнь. Тому, что он нашел свою идеальную женщину. И что она нашла его.

Они познакомились менее двух лет назад при экстраординарных обстоятельствах. Между ними возникла связь, со временем становившаяся все прочнее. То, что могло бы запомниться как простое увлечение, превратилось в нечто гораздо большее. И теперь, в тридцать девять, у него есть двадцативосьмилетняя невеста, в которой он души не чает.

Это было больше, чем то, на что Майкл когда-либо мог надеяться.

– Какие планы на сегодня? – спросила Сара. Задавая вопрос, она капнула в тарелку немного табаско.

– Тюрьма Уандсворт, – ответил Майкл, взял тот же соус и сдобрил им свой зажаренный бекон. – Первая встреча с Саймоном Кэшем.

– Мальчишкой, которого обвиняют в убийстве?

– Ага. – Майкл одним глотком осушил полстакана апельсинового сока. – А у тебя? Во сколько тебе на работу?

– После десяти, вернусь рано вечером. Приготовишь ужин?

– Хорошо. С тюрьмой разберусь к обеду, потом загляну в контору, но должен вернуться не поздно. Только нужно спросить у Энн. Кажется, она говорила, что хочет сегодня готовить.

Какое-то время они помолчали, доедая завтрак: Майкл тайком избавлялся от подгоревших кусочков яичницы, Сара делала вид, будто не замечает.

– Перед уходом проверишь, встала ли Энн? – спросил Майкл, указывая глазами на потолок, когда тарелки опустели.

– Поднимусь к ней, как только ты уйдешь, – ответила Сара.

– Спасибо. И прости, что я на тебя это взваливаю. Я...

– Мы семья, – перебила Сара. – Никаких проблем.

Майкл протянул руку и нежно сжал ее ладонь. Сара говорила искренне. Он это знал. Поэтому еще больше ценил ее ответ.

– Все равно спасибо.

Момент растянулся на несколько секунд и закончился только тогда, когда Майкл взглянул на часы у себя на запястье. То, что они ему сообщили, заставило его подняться и поцеловать Сару в лоб.

– Пора идти, – сказал он, задвигая стул. – Нельзя же опоздать на встречу с юным мисте-ром Кэшем, правда?

Три

Кэти Грей считала, что ей много с чем повезло. Например, с мужем, с которым она прожила тридцать лет. Брак вышел долгим, спокойным и счастливым. Они никогда не были богаты, но и не бедствовали. Вместе они хорошо потрудились, чтобы семья не просто сводила концы с концами.

Потом дети. Четверо, и все очень разные. Старший, Джон, как и отец, работал плотником. Крепкий порядочный мужчина, у которого и самого была растущая семья. Затем шел Эрик, еще один рабочий. Холостой. Без детей. Но счастливый и с процветающим предприятием. Третьей была Кейти. Она рано вышла замуж и посвятила себя пятерым детям. И, наконец, Крис. Последний по счету, но от этого не менее примечательный – малыш, который вырос, чтобы стать хирургом. Радость и гордость матери.

Конечно же, была еще работа. Вторая жизнь Кэти. В услужении у Лонгманов она провела почти четыре десятка лет. С гордостью наблюдала, как Филипп Лонгман взлетел по карьерной лестнице, и сама купалась в отраженных лучах его славы, когда его имя появлялось в прессе. Он был важным человеком – великим, однако всегда следил, чтобы его домработница чувствовала, что в ней нуждаются.

Кэти питала такую же нежную привязанность и к остальным членам семейства. К жене Филиппа, Кэрол. Чудесной женщине, доброй и щедрой. Она умерла в восьмидесятилетнем возрасте, и все равно казалось, что ее забрали слишком рано. К их детям: Мэттью, Расселу и Питеру. Все они уже почти выросли, когда Кэти поступила на службу, но все равно относились к ней с такими добротой и уважением, что она пеклась о них почти как о своих.

С превеликой печалью она наблюдала, как мальчики отстраняются от отца с годами, последовавшими за смертью матери. Порой она подумывала о том, чтобы поговорить с ними на эту тему. Высказать свое мнение. Но не стала. Какими бы родными они для нее ни были, Кэти не была членом семьи.

Еще печальнее была деградация Лонгмана, произошедшая с ним за последние пять лет. Кэти видела, как от скорби по жене сила духа, когда-то наполнявшая его, улетучилась. Больно было смотреть на это, но ни разу, несмотря на собственный преклонный возраст, Кэти не пришлось в голову бросить работу. Договор, заключенный с семейством Лонгманов, был для нее так же священен, как и клятва, данная перед Господом в день свадьбы. Она не уйдет до самого конца.

Ее утренние ритуалы почти не изменились за прошедшие годы. В доме, где остался всего лишь один обитатель, стало тише, но это не играло никакой роли. Как почти каждый день более чем за три десятилетия, Кэти закрыла за собой тяжелую дверь, прошла на кухню, налила воды в чайник и поставила его на газовую конфорку. Упорное нежелание Филиппа перейти к более современной электрической плите было забавным, но в глубине души Кэти тоже предпочитала все делать по-старинке.

Она повернула ручку, чтобы зажечь огонь.

Ничего не произошло.

Кэти попробовала снова. И еще раз. Все так же безрезультатно.

Она протянула руку, проверяя, не идет ли газ, и тут же поняла, в чем проблема: ее растопыренные пальцы обдало ветерком. До сего момента Кэти этого не замечала. Когда она шла на работу, на улице было холодно, и она еще не успела достаточно согреться, чтобы сразу же почувствовать, что в комнате сквозняк.

Повернувшись, Кэти последовала за течением холодного воздуха к его источнику. Оно привело ее к открытой двери в кладовую. Двери, которая должна была быть закрыта. Чувствуя, как сердце застучало немного быстрее, Кэти заглянула в комнатку. На полу лежало разбитое

стекло, а в окне была дырка. Не больше, чем от крикетного мяча, она вполне могла оказаться следствием несчастного случая. Если бы только само окно не было открыто.

С колотящимся сердцем Кэти развернулась на каблуках. Она знала, что Филипп не открывал окно. Вот уже несколько лет он не может самостоятельно добраться до кладовой.

В дом кто-то проник.

«Но кто? И зачем?»

Только один человек знал ответ на этот вопрос.

Его светлые глаза следили за ней, пытаясь по выражению лица предугадать, что она сделает дальше. Убежит? Или пойдет искать человека, дававшего ей работу бог знает сколько лет?

Она никогда не поймет, насколько от этого выбора зависела ее жизнь. И как ей повезло, что верность в ней победила.

Губы наблюдателя растянулись в улыбке, когда он смотрел, как домработница набирается мужества, чтобы поступить правильно. Но улыбались только губы. Светлые глаза не отрываясь смотрели, как она делает последний глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, прежде чем подняться по лестнице.

Скрипнула нижняя ступенька, когда она неуверенно шагнула навстречу неизвестности. Второй скрип за шесть часов. Наблюдатель переступил через эту ступеньку, поднимаясь вслед за домработницей.

Какое бы решение он ни принял в последующие несколько минут, та до последнего момента не узнает о его присутствии.

Он бесшумно наблюдал за ней в отдалении. Решение было принято. Все будет зависеть от ее реакции. Правильный крик. Правильная истерика. Вот чего он хотел. Вот что его удовлетворило бы. Если она даст ему это, то будет жить. А если нет... что ж, ее судьба в ее руках.

Кэти Грей считала, что ей много с чем повезло. Но она так и не узнала, что больше всего в жизни ей повезло в тот момент, когда она вошла в комнату Филиппа Лонгмана и завопила во все горло.

Четыре

Не прошло и десяти минут, когда прибыли первые два полицейских, они поднялись прямо в спальню Филиппа Лонгмана. Одного стошнило на месте. Второй позвонил начальству и сообщил об открывшейся их глазам кровавой сцене.

В течение следующих тридцати минут ту же кошмарную картину пришлось лицезреть непрекращающемуся потоку полицейских служащих. Каждый из них был закаленным профессионалом, но все равно при виде места преступления многие снова увидели свой завтрак.

Это убийство нельзя было отнести к заурядным.

– Кто здесь убирался? – спросила главный инспектор Джоэль Леви, поднимаясь по лестнице в комнату Лонгмана и почувствовав запах хлорки. – Кто-то продезинфицировал помещение.

– Нет, мэм. – Ответ последовал от констебля Дэвида Райта, одного из двух полицейских, первыми прибывших на место преступления. Того, чей желудок оказался крепче. – Когда мы появились, здесь уже пахло.

Леви бросила на него удивленный взгляд.

– Вы уверены?

– Да, мэм. Это первое, что я заметил. Ну то есть до, того как мы вошли.

«Интересно», – подумала Леви.

Они поднялись до конца лестницы и пошли по коридору мимо двух открытых дверей. За каждой находилась безукоризненно опрятная, словно в нее никто никогда не входил, спальня. Их вид предполагал наличие усердной домработницы и отсутствие гостей.

О третьей комнате нельзя было сказать то же самое. В воздухе, словно электрический заряд, разносилось жужжание от кипевшей внутри бурной деятельности. Запах хлорки здесь чувствовался сильнее, и к нему добавился отчетливый душок рвоты.

«Вот оно, место, которое нам нужно», – сразу поняла Леви.

Она ступила в комнату. Ее взгляд прошелся от одной стены до другой, отмечая все, что находилось посередине. Будучи опытным детективом, Леви приготовилась к худшему. Именно худшее ее и ждало.

Когда Филипп Лонгман был в расцвете лет, все взгляды в помещении естественным образом устремлялись к нему. Но никогда еще ему не удавалось произвести настолько же сильное впечатление, как сейчас, после смерти. Леви застыла, завороченная видом дряхлого тела. Его нагота шокировала. Нанесенные увечья выглядели еще хуже. Но ужаснее всего было то, как он умер. Лонгмана распяли на стене собственной спальни. Он висел в метре над полом, держась на вбитых в запястья гвоздях.

– Господи Иисусе.

Леви произнесла это без иронии. За свою профессиональную жизнь она повидала всякое. В том числе гораздо более кровавые картины, чем эта. Но было что-то жутковатое в ритуальном характере убийства. Он предполагал неторопливость. Леви видела своими глазами, какие увечья наносят выстрелы. Бомба. Даже мина. Но то, на что она смотрела сейчас... Ей никогда еще не доводилось видеть таких чудовищных ран, нанесенных с таким тщанием.

Отвернувшись от подвешенного трупа, Леви обвела взглядом комнату. У ее ног расплылась лужица рвоты. Не самые хорошие условия для работы криминалистов, но лужица находилась достаточно далеко от трупа, можно было не опасаться, что она помешает проведению экспертизы. Обладатели остальных слабых желудков смогли удержать содержимое внутри до того момента, как вышли в коридор, поэтому в остальном место преступления выглядело нетронутым.

«Это ненадолго», – подумала Леви. Команда криминалистов в белых костюмах уже осматривала каждый сантиметр комнаты, в которой Филипп Лонгман провел последние мгновения своей жизни.

– Что думаешь, Стив? – Леви узнала инспектора Стивена Хейла даже в белом комбинезоне с капюшоном.

– Хреновое дельце, мэм, – покачал головой Хейл, вставая. – Тот, кто это сделал, больной ублюдок. Бедному старику отрезали язык и запихнули в рот собственные яйца. Оставшиеся зубы выдрали, один за другим. Потом обескровили. Медленно. Убийца перерезал вену за веной по всем рукам и ногам.

– Как предполагаешь, от какого повреждения он умер?

– Есть из чего выбирать, мэм. Может быть, он умер от кровоизлияния, при том что убийца действовал медленно. А если нет, тогда от распятия. Он никак не мог это выдержать в его состоянии.

– Не уверена, что я продержалась бы дольше, – ответила Леви, не отводя взгляда от трупа Лонгмана. – Дай знать, когда мы выясним точную причину смерти.

– Да, мэм.

Хейл отступил на шаг, тогда как Леви приблизилась к Лонгману. Она обошла тело, внимательно разглядывая ранения со всех сторон, насколько позволяла стена. Наконец она нагнулась над открытым порезом у него на правой ноге и глубоко втянула носом воздух.

– Да, похоже, запах хлорки идет отсюда, – сказал Хейл. – Но на ногах и спине нет никаких следов того, что он корчился. А значит, хлоркой его раны полили уже после смерти. Хоть какое-то облегчение. Если бы он еще дышал, боль была бы нестерпимой.

Леви не ответила. Вместо этого она отошла к дальнему углу комнаты и взяла оттуда стул. Встала на него, поставив возле болтающихся ног трупа. Леви была женщиной невысокой – всего сантиметров 165, но и Филипп не был высоким мужчиной. Сиденье стула пришлось вровень с его распятыми ступнями.

– Передай перчатку.

Леви не обернулась, ни когда произносила эти слова, ни когда принимала перчатку из руки Хейла. Надев на пальцы латекс, она осторожно открыла Лонгману рот. Оттуда уже вынули отрезанные органы, оставив зияющую пустоту, в которой отсутствовали зубы и язык. Черный кошмар.

Наклонившись, Леви приблизила нос, насколько это было возможно без того, чтобы помешать экспертизе, и глубоко вдохнула.

– Что там? – спросил заинтригованный Хейл. – Что вы чувствуете?

– Хлорку. – Леви осторожно закрыла рот и слезла со стула. – Ее налили и туда.

– После смерти? Зачем? Какой в этом смысл?

Леви ответила не сразу. Вместо этого она, осмотревшись, поймала взгляд констебля Дэвида Райта, который, заметив внимание главного инспектора, чуть выпрямился.

– Из этой комнаты выносили бутылку с хлоркой? – спросила она.

– Нет, мэм. Здесь ничего не трогали. Если не считать осмотра тела, конечно же.

– А внизу? В ваннах? Нигде не пропадала бутылка хлорки?

– Не знаю, мэм.

– Тело обнаружила домработница, правильно?

– Да.

– Тогда спросите у нее. Проведите ее по дому. Нужно это выяснить.

Констебль Райт без единого слова покинул комнату.

Хейл казался озадаченным.

– Какое отношение к убийству имеет пропавшая бутылка хлорки?

– Такое, Стив, что хлорка убивает ДНК. – Леви слышала об этой теории. Но ни разу не сталкивалась с ее применением. – Жертву облили хлоркой не для того, чтобы помучить. А чтобы уничтожить улики. Поэтому она повсюду. Убийца явно пошел вразнос. Может, в этом был весь смысл. Вся притягательность. Но при этом он не хочет быть пойманным. Он знает, что делает, Стив. Мы ничего не найдем на теле. И, судя по запаху, образец ДНК здесь нам может предоставить только та блевотина у двери.

Хейл повернулся к лужице рвоты у двери. Потом снова посмотрел на Леви.

– Но я все равно не понимаю, какая разница, пропадала ли в доме хлорка? Мы все равно не найдем пустой бутылки с отпечатками. Если убийца был настолько осторожен.

– Разница есть, – объяснила Леви, – потому что если хлорку взяли в доме, значит, убийце неожиданно пришла в голову блестящая идея. Он действовал по наитию. Но если он принес хлорку с собой, тогда мы имеем дело с профессионалом. С человеком, который досконально продумал, что собирается сделать. И как замести следы. Тебе не кажется, что нам важно это знать?

Хейл кивнул.

– Тогда какой смысл осматривать комнату? – спросил он. – Если вы уверены, что мы не найдем ни ДНК, ни отпечатков, никаких других улик?

– Потому что прямо сейчас место преступления – наша единственная зацепка. Кто знает, может, эта сволочь что-то пропустила. – Леви в последний раз обвела взглядом комнату. – Мы обязаны раскрыть это дело.

– Что в нем такого важного? – спросил Хейл. – Распятие? Думаете, здесь религиозные мотивы?

– Может быть, – ответила Леви.

Она повернулась к присутствующим и повысила голос:

– Кстати говоря, я не хочу, чтобы о произошедшем узнали в прессе. Ни слова о том, как этот человек был убит. Ни слова.

Повернувшись обратно к Хейлу, Леви взяла его за руку и вывела в коридор. Она чувствовала легкий прилив благодарности за то, что он помогает ей в этом деле. Хейл был в ее команде уже три года. В рядах полиции не нашлось бы никого, кому она доверяла бы больше.

– Нет, Стив. Дело не в распятии, – сказала она тихим голосом, едва отличимым от шепота. – Дело в том, кто этот человек. Точнее, кем он был.

– Вы его знаете? Кто он?

– Филипп Лонгман. Бывший лорд главный судья.

Леви видела, как от лица Хейла отхлынула кровь. Имя явно было так же знакомо ему, как и ей. В чем она и не сомневалась.

Должность лорда главного судьи делала ее обладателя невероятно влиятельным, что совпадало с желаниями Филиппа Лонгмана, который предпочитал их не сдерживать. За восемь лет в этой должности он вынес множество самых противоречивых приговоров современности. Приговоров, ознаменовавших крах многих как криминальных, так и террористических организаций. Изувеченное тело, прищипленное к стене спальни, принадлежало некогда одному из самых влиятельных лиц британского истеблишмента.

– Нас ждет кошмарное политическое давление, – продолжила Леви. – И такой же список подозреваемых. Лонгман нажил себе немало врагов, а у многих ублюдков хорошая память.

Хейл кивнул, но ничего не ответил, пока Леви смотрела в открытую дверь на труп Лонгмана.

Ничто в этом жалком бледном теле не указывало на человека, который когда-то обладал высоким статусом. Человека, чье шокирующее убийство захватит первые полосы всех газет. И чьего убийцу предстоит найти Леви.

Нельзя было терять ни минуты.

Пять

Тюрьма Уандсворт почти не изменилась за семнадцать лет, минувших с первого посещения ее Майклом Девлином. Само здание датировалось 1850 годом, и на его монументальном фасаде отразился каждый день прошедших двух столетий.

Внутри оно казалось менее мрачным и более современным, но ненамного. Зона ожидания, которой пользовались и адвокаты, и обычные посетители, являла собой неудачную смесь аскетизма и обветшалости. Жесткие металлические скамейки не могли предложить никакого удобства тем, кому не повезло на них сидеть, а крашенные лет десять назад желтые стены до сих пор считались «годными».

Та же самая халатность характеризовала и шкафчики для хранения ценных вещей посетителей. Несмотря на то что они были слишком маленькими, ненадежными и в большинстве случаев сломанными, никто и не думал их поменять или хотя бы починить.

С тихой улочки в здание вела каменная лестница, существовавшая с момента постройки. Все посетители любого из 1900 узников должны были подняться по этим старинным ступенькам и пройти через зону досмотра, отделявшую обитателей тюрьмы от свободы, царившей за ее стенами.

Недавнее присуждение Майклу звания королевского адвоката, которого удостоивались только самые лучшие барристеры¹, не стало основанием для исключения. Казалось, будто впервые он посетил тюрьму Уандсворт целую вечность назад, когда ему было двадцать два и он только-только выпустился. Тогда Майкла удивило, что ему пришлось пройти столь же скрупулезный досмотр, что и обычным посетителям. На какое бы особое обращение к адвокатам он не рассчитывал, ожидания не оправдались: никто не пропустил его просто так, дружески кивнув и подмигнув.

Никто не пропустил его просто так и теперь.

– Вы к кому?

Сидевший за высоким столом на входе тюремный служащий средних лет сразу перешел к делу. Никаких приветствий. Никакой вежливой беседы.

– К Саймону Кэшу.

Эндрю Росс, солиситор Саймона Кэша, ответил на вопрос за них обоих, протягивая официальное письмо, адресованное управляющему тюрьмы ее величества Уандсворт. Письмо называло Майкла и Росса барристером и солиситором и подтверждало, что у них назначена консультация с клиентом на 09:30 утра.

– Удостоверения?

Майкл и Росс достали из кошельков удостоверения личности и молча предъявили их служащему. Через несколько секунд им вернули документы и кивком пригласили пройти.

– Ключи, деньги, телефоны. Все как обычно, – потребовала другая служащая. Женщина, моложе своего коллеги и стоящая, а не сидящая. Она была следующей остановкой на конвейере досмотра.

Пока она говорила, через стол скользнул маленький черный поднос и быстро наполнился предметами. Кошельком, ключами, монетами из карманов Майкла. То же самое выложил и Росс, добавив сигариллы и зажигалку. Каждый оставил при себе толстую папку, содержащую основные материалы по делу Саймона Кэша, блокнот и ручку.

¹ В Соединенном Королевстве есть два вида адвокатов: барристеры и солиситоры. Барристеры стоят выше солиситоров, только они имеют полномочия выступать в суде. Солиситоры в основном занимаются бумажной работой.

Черный поднос был помещен в шкафчик с тонкими стенками возле стола. Ключ от шкафчика – единственный предмет, который им разрешалось пронести с собой помимо вышеперечисленного, – передали Россу.

Третий пункт досмотра находился на противоположной стороне зоны ожидания. Большой рентгеновский аппарат под управлением еще двух служащих был настолько выдающим видом, что дышал на ладан. Без сомнения, когда-то он считался чудом техники и вызывал лютую зависть у всех аэропортов страны. Но государственное финансирование вот уже несколько десятилетий сокращалось. Служба досмотра в аэропортах давно догнала, перегнала и оставила Уандсворт далеко позади. Все, что теперь перепадало тюрьмам, – это допотопные рентгеновские аппараты да изредка металлоискатели.

Путь к аппарату преграждала длинная металлическая скамейка. Она была поставлена, чтобы обеспечить посетителей дополнительным сиденьем, когда их было слишком много, но сегодня, когда зона ожидания пустовала, ее расположение казалось крайне неудачным. Майкл со своими 185 сантиметрами был достаточно высок, чтобы не обходить непреднамеренно вставшее на его пути препятствие. Он его просто перешагнул. Росс был ниже, ему пришлось идти в обход.

– Кладите все на поднос, потом становитесь здесь, – зачитал свою мантру третий служащий.

«Уничтожение души, – подумал Майкл. – Этих бедолаг превратили в роботов».

На этот раз черный поднос был больше. По одному на каждого. Майкл положил на него все разрешенные предметы вкуче с поясом, пиджаком и часами. Потом поместил поднос на потрепанную ленту и подождал, когда она с трудом тронется с места.

Пока Майкл стоял спиной к Россу, медлительность аппарата дала ему время подумать. Поразмыслить – не в первый раз – о том, почему он вообще здесь оказался.

Формальный ответ на вопрос был прост. Существует ряд определенных дел, вести которые разрешено только королевским адвокатам. Иногда те ведут дело сами. Иногда – с помощью младшего барристера. Сложное дело Саймона Кэша как раз подходило под эту категорию: оно было об убийстве из мести, связанном с организованной преступностью мелкого масштаба, и по нему проходили два обвиняемых, а это создавало вероятность, что они прибегнут к так называемой защите друг против друга.

Да нет, почему дело Кэша требовало королевского адвоката, было ясно. Что действительно беспокоило Майкла, так это то, что ему вообще досталось это звание.

Такое повышение казалось сомнительным не из-за возраста. В тридцать девять лет Майкл, несомненно, был одним из самых молодых барристеров, получивших звание королевского адвоката, но подобное случалось и раньше. Уникальным, однако, был тот факт, что оно досталось ему без прошения с его стороны и без собеседования.

Хотя новость о повышении, полученная полгода назад, и стала неожиданностью, Майклу не нужно было ничего объяснять. Решение, ясное дело, основывалось не на его профессиональных заслугах. Он сразу это понял: он не просил о назначении, поэтому его заслуги никто не оценивал. Полученное звание было выражением признательности благодарного правительства. Наградой за его молчание о событиях, произошедших в Лондоне и Белфасте двадцать месяцев назад. Саре тоже воздалось за ту газетную статью, которую она выпустила вместо правды. Она тут же взлетела по карьерной лестнице, перейдя из начинающих репортеров CNN в ведущие корреспонденты ITN.

Никто из них не просил о помощи с карьерой, но в случае Сары помощь была заслуженной. А вот что касается Майкла, то он бы предпочел получить свое новое звание положенным способом. Через признание его труда, самоотдачи и профессиональных навыков, проявленных в зале суда. А не за то, что держал язык за зубами. Без этого признания он сомневался в своем праве именоваться королевским адвокатом, о чем всегда мечтал.

«Получается, я всю жизнь не буду знать, гожусь ли», – думал он.

Такие мысли угнетали Майкла последние полгода. Но теперь? К неуверенности в себе добавилось ощущение вины. Из-за подоплеки дела Саймона Кэша – того, каким образом оно ему досталось, – Майкл чувствовал себя еще хуже.

– Сюда, пожалуйста, сэр.

В мысли Майкла вторгся голос четвертой служащей.

Подняв глаза, он увидел, как она жестом показывает ему сделать шаг в сторону. Майкл знал процедуру. Он подошел, расставил ноги на ширину плеч и вытянул вперед руки. Следующие двадцать секунд служащая обыскивала Майкла с ног до головы. Проверила его воротничок, манжеты, пояс и нижние края брюк. Даже заглянула Майклу в рот. Убедившись, что он не пытается пронести в тюрьму ничего незаконного, она позволила ему забрать вещи с ленты рентгеновского аппарата.

Майкл надел пиджак и отошел к толпе посетителей. Росс присоединился к нему через минуту после того, как подвергся той же неприятной процедуре. Пока они молча ждали, Майклу снова вспомнилось его первое посещение.

Семнадцать лет назад.

В тот раз он удивился строгости досмотра, которому ему пришлось подвергнуться. Теперь, почти два десятилетия спустя, его удивляло только то, как мало все меняется.

Шесть

Неудобное сиденье под Саймоном Кэшем казалось почти пыточным. Он выглядел моложе своего двадцати одного года. Причем намного. И серый тюремный комбинезон погоды не делал. Маленькая фигура ерзавшего на стуле Кэша тонула в нем.

Майкл оглядел своего подзащитного с ног до головы. Разглядывать особо было нечего. Кэш обвинялся в чрезвычайно серьезном преступлении – двойном убийстве. С самого начала обвинение казалось неправдоподобным, и не только из-за габаритов обвиняемого.

Тощий мальчишка и правда выглядел так, будто не одолеет и девочку-подростка, не говоря уж о двух крайне агрессивных, судя по их репутации, братьях. Но одна только внешность еще ничего не значила. Майклу доводилось встречать людей вдвое меньше себя, которые при этом были в два раза его сильнее. Нет. Что вызывало в нем сомнения относительно правдоподобности обвинения, так это все остальное. Нервные движения Кэша. Загнанное выражение лица. Майкл просто не мог соотнести этого испуганного ребенка с животным, жестоко убившим близнецов Голлоуэев.

– Расскажите мне о Даррене О’Дрисколле, Саймон.

При упоминании этого имени Саймон весь как будто сжался. Майкл этого и ожидал. Даррен О’Дрисколл был вторым обвиняемым по делу Кэша, но за все те полчаса, что они провели в маленьком грязном кабинете для юридических консультаций, Саймон ни разу не упомянул О’Дрисколла и не намекнул на его участие в преступлении.

И, кажется, Майкл знал почему.

Кэш и О’Дрисколл обвинялись в том, что вместе выследили и убили двух братьев в юго-восточной части Лондона. Близнецов Голлоуэев, взрослых, за тридцать, и сильных оттого, что зарабатывали на жизнь физическим трудом, сложно было представить жертвами. Однако теперь они мертвы. Убиты, по версии обвинения, за то, что совершили тяжкое преступление – неуважительно обошлись с дядей Даррена О’Дрисколла на стройке в Сити.

Мотив убийства не вызывал удивления. Майкл видел, как людей убивали и за меньшее. Но то, как их прикончили... Это уже совсем другое дело.

Лондон был жестоким городом, и Майклу довелось участвовать в изрядном числе уголовных дел, произошедших из этой жестокости. Он многое повидал. Но даже его потрясло нападение на близнецов Голлоуэев.

Присяжные никогда не увидят фотографии тел.

«Пусть будут благодарны за это маленькое благодеяние», – подумал Майкл.

Детали убийства потом преследовали бы их в кошмарах. Чего стоил один вид Мартина Голлоуэя: у него были отрублены руки, разбиты колени, проломлен череп, а тело настолько избито, что не осталось ни одной целой кости. Еще страшнее выглядели увечья, нанесенные его брату Марку Голлоуэю.

По версии обвинения, именно Марк Голлоуэй был в ответе за «неуважение», проявленное по отношению к дяде О’Дрисколла. Если это правда, то он с лихвой поплатился за свое «преступление». Подвергнутый такому же обращению, что и брат, он удостоился куда большего внимания после смерти. Когда близнецы испустили свой последний вздох, использованные для них мачете сосредоточились на Марке. Его руки, ноги и голова были отсечены, после чего избитое тело со звериной свирепостью изрубили на куски.

Это напоминало средневековую казнь. Которую воображение Майкла отказывалось связывать с нервным необычным юношей, сидящим перед ним.

– Расскажите мне о нем, Саймон. Расскажите о Даррене.

– Что вы хотите знать? – Саймон не поднял глаз, отвечая. Эти слова он пробормотал себе в грудь.

– Все, – ответил Майкл. – Но для начала – считаете ли вы его способным на то, что совершили с Голлоуэями?

– Даррен этого не делал.

Ответ Саймона прозвучал тихо. Почти неразличимо. И настолько коротко, насколько он был на то способен. Таким образом он общался с ними последние полчаса.

– Я не спрашивал, сделал ли он это. Я только спросил, способен ли он это сделать. Бывает ли агрессивным.

Никакого ответа. Саймон не отрывал взгляд от пола, отказываясь смотреть в глаза.

Майкл отодвинулся на стуле и тяжело выдохнул. Поднес руки к голове и запустил пальцы в густые светлые волосы.

Услышав, как царапнул пол отодвигаемый стул, Кэш дернулся. Но не заговорил.

– Посмотрите вокруг, Саймон, – сделал еще одну попытку Майкл, обводя рукой комнату.

Маленький шаткий стол и три пластмассовых стула, на которых едва можно было уместиться. Грязно и душно. Стены, покрытые заламинированными правилами поведения, которые регулировали жизнь заключенного.

– Вот твое будущее, сынок. Если поведешь себя неблагоприятно, застрянешь в похожем помещении лет на двадцать пять. Как минимум. Это не игра, Саймон. Ты либо поможешь нам в этом деле – поможешь нам помочь тебе, – либо просидишь здесь до пятидесяти.

Кэш поднял глаза, проследив за жестом Майкла. Потребовалось несколько секунд, чтобы он осознал услышанное.

– Я этого не делал. – Когда Кэш наконец заговорил, его слова прозвучали слабо. Как у школьника, оспаривающего наказание. – Меня не должно тут быть.

– Мы знаем, Саймон, – вставил Эндрю Росс. В его голосе слышалось больше сочувствия, чем в голосе Майкла. – Потому мы и здесь. Потому здесь мистер Девлин...

– Но мы не справимся без тебя, – перебил Майкл. Ему нужно было, чтобы Кэш понял. – Мы не можем просто все замять. Нам нужно, чтобы ты был с нами откровенен. Если ты дашь нам оружие, мы будем воевать за тебя. Но если утаишь от нас что-то – промолчишь, чтобы защитить Даррена О’Дрисколла, – тогда у нас с самого начала нет надежды победить.

– А если мы проиграем, расплачиваться придется тебе, – подхватил Росс. Он последовал примеру Майкла и перестал говорить сочувствующим голосом. – Мы? Мы пойдем домой. Будем разочарованы, но перейдем к следующему делу. А тебя приговорят к пожизненному. Двадцать пять лет в тюрьме. Может быть, дольше. Уж точно дольше, чем ты живешь на этом свете.

Кэш не ответил. Только сильнее осел на стуле, и стало казаться, что, переварив слова Росса, он сделался еще меньше.

Если Кэш слишком боялся Даррена О’Дрисколла, чтобы помочь себе, – а Майкл не сомневался, что в этом все дело, – то нужно было сделать так, чтобы в первую очередь его беспокоил не страх.

Семь

День был в самом разгаре, когда Майкл вместе с Россом спустился по ступенькам, ведущим из тюрьмы. Пока они находились внутри, солнце набрало силу. Было слишком жарко для полудня. Еще несколько часов, и асфальт у них под ногами начнет плавиться.

Майкл снял пиджак и ослабил галстук, пока они выходили на улицу за пределами здания.

– Где ты оставил машину?

Майкл смотрел, как Росс теревит ключи.

– У садового центра, – ответил Росс, показывая налево.

Путь Майкла лежал направо. К вокзалу Эрлсфилд. А это означало, что дальнейший разговор должен произойти здесь.

– Так что думаешь? – спросил Росс.

– Дела у мальчишки плохи.

Произнося эти слова, Майкл оперся спиной о неровную кирпичную стену. Последние два часа были выматывающими. Иногда клиент, который молчит, гораздо хуже клиента, который никак не заткнется.

– Он знает, что произошло. И знает, кто это сделал. Просто боится сказать.

– Думаешь, это он Даррена О’Дрисколла боится? – спросил Росс.

– Не сомневаюсь.

Изучив доказательства по делу, Майкл составил собственную версию произошедшего. И утро, проведенное с Кэшем, никак ее не поколебало. Наоборот, только усилило его решимость защитить мальчишку от самого себя.

– Даррен О’Дрисколл убил Голлоуэв, – заявил Майкл. – Вместе с кем-то еще: сомневаюсь, что он сумел бы сделать это в одиночку. Но я не верю, что Саймон в этом участвовал. Уж точно не в самом убийстве. Не в той роли, которую ему отводит Колливер.

Терри Колливер был главным свидетелем обвинения и, несомненно, самой большой проблемой Саймона Кэша.

– То есть ты ему веришь? – Росс казался довольным. – Я имею в виду Саймону. Думаешь, он действительно невиновен?

Майкл ответил не сразу. Вместо это он несколько секунд собирался с мыслями. Важно было принять правильное решение.

– Дерек так думал, – наконец ответил он. – Он провел много времени с мальчишкой и лучше разбирается в людских характерах, чем когда-либо смогу я. Положусь на его чутье.

Еще три дня назад Дерек Рид был барристером Кэша. Все изменилось, когда судья постановил, что дело должен вести королевский адвокат. Рид так и не достиг этого звания, поэтому дело у него забрали и передали Майклу. Во всем этом не было бы ничего необычного, если бы не тот факт, что Рид был близким другом Майкла, его бывшим наставником и человеком, которого Майкл всегда считал самым талантливым адвокатом из всех, кого знал.

Еще и по этой причине Майкл чувствовал себя неловко – и немножко виновато – из-за преждевременного повышения в звании. Что его сочли – ошибочно, как казалось Майклу, – более подходящей кандидатурой, нежели Дерек Рид.

Он задумался, придерживается ли того же мнения сам Рид.

– Насчет Дерека, – начал Росс. – Ты же знаешь, что я не хотел его терять? Меня не спрашивали.

– Знаю. – Майклу не нужны были объяснения. – Но для Саймона было бы лучше, если бы спросили.

– Теперь у него есть ты, Майкл.

– И все же для него это было бы лучше. Никто не сравнится с Дерекком.

– Даже ты?

– Даже я. Особенно когда у меня меньше недели, чтобы подготовиться к процессу.

Росс открыл рот, чтобы что-то сказать, но его прервал механический лязг. Они с Майклом оба повернулись на звук.

Автоматические железные ворота тюрьмы медленно открывались. Это был единственный выход из комплекса, помимо того, к которому вела лестница. Едва они скользнули в сторону, как воздух наполнили агрессивные звуки рэпа.

На мгновение Майклу показалось, что музыка доносится из-за ворот. Но он тут же осознал свою ошибку, когда заметил источник развязной песни.

Буквально в десяти метрах от них, в длинном ряду машин у бордюра, стоял черный БМВ М760Ли. До сего момента его тонированные стекла, скрывавшие водителя и пассажиров, заглушали звуки стереосистемы. Но теперь двери открылись.

Из них вышли трое молодых чернокожих парней, немногим за двадцать – если не моложе.

– Серьезно? Они приехали на машине за тучу бабок? К тюрьме?! – По голосу Росса слышалось, что он не верит своим глазам. – Заявились не куда-нибудь, а сюда, на этой тачке, и врубают на полную громкость песни про пушки и банды. А потом они удивляются, как полиция их ловит?

– Ты их знаешь?

– Не этих трех. Но таких пруд пруди. – Росс кивнул на машину. – Я помню времена, когда злодеям, чтобы срубить столько денег, нужны были мозги.

– Может, у кого-то они есть. – Произнося эти слова, Майкл указал на ворота тюрьмы. Украдкой, чтобы только Росс заметил.

Ворота наконец полностью распахнулись. Достаточно широко, чтобы проехал тюремный фургон. Но сейчас в таком проеме не было необходимости. Когда ворота стали закрываться, из них вышел всего один человек. Он был на поколение старше приехавших на БМВ парней. Высокий и широкоплечий, в одной руке он нес прозрачный пакет с вещами, которые наверняка нажил в тюрьме.

Один из парней подошел к нему, и бывший заключенный безо всяких приветствий сунул ему пакет. Явное обозначение иерархии. Не сказав ни слова и остальным, он сел на переднее сиденье и закрыл дверь. Через мгновение музыка, разносившаяся по улице, стихла.

Едва выйдя из тюрьмы, заключенный сразу дал понять, кто здесь главный.

– Боже, – пробормотал Росс.

Они смотрели, как трое парней залезали обратно в машину. Атмосфера угрозы, окружавшая их несколько минут назад, совершенно рассеялась. Сменилась угодничеством.

– Ты когда-нибудь такое видел? – спросил Росс.

– Бывало.

Ответ Майкла наполовину предназначался самому себе. Росс и понятия не имел, как хорошо Майкл разбирался в криминальных иерархиях. То, чему они сейчас стали свидетелями, было реальностью его детства и пробудило нежеланные воспоминания об отце. И брате.

– Мне нужно вернуться в контору, – резко бросил Майкл, пытаясь заглушить воспоминания. – Нужно еще многое сделать, чтобы подготовиться к процессу.

– Понял. Если что-то понадобится, я на связи.

Ответ Росса прервал шум мотора БМВ. Машина с ревом тронулась с места и умчалась в южном направлении. Предел допустимой скорости в 32 км/ч был превышен за долю секунды.

– Скорее всего, позвоню завтра, – снова заговорил Майкл, когда шум мотора стих в отдалении. – Для начала нужно изучить остальные доказательства и посмотреть, как обстоят дела.

– Тогда буду ждать.

– Хорошо. – Майкл протянул большую ладонь и крепко пожал руку Росса. – Скоро поговорим.

Наблюдающий за ними человек никогда не верил в судьбу. Ни в какую направляющую силу, кроме собственной воли. Собственной решимости. Он никогда в этом не сомневался и уж точно не усомнился сейчас, когда в поле зрения его светлых глаз неожиданно появился Майкл Девлин.

Это точно был он. Его облик был не менее примечательным, чем прежде. А может, и более. Конечно, теперь он стал старше, набрал несколько килограммов. Черты лица сделались более выраженными. Мальчишка превратился в мужчину. Но густые светлые волосы и крепкий стройный торс остались прежними.

Светлоглазый давно гадал, увидит ли Девлина снова. И вот это случилось. Но доведется ли Девлину увидеть его? Вопрос.

Он еще не решил. Но, вне зависимости от ответа, сегодня его планы касались не Девлина, и неожиданное появление того у тюрьмы Уандсворт ничего не меняло. У светлоглазого были другие приоритеты. Другие люди, более заслуживающие его внимания.

Судьбы не существовало. Только случайность. Он пойдет своим путем. И сегодня этот путь ведет в другое место.

Восемь

Сара Труман чувствовала, как по шее стекает первая струйка пота.

Июнь в Лондоне. Не должно быть так жарко. Отличительной чертой города всегда была умеренность. Немножко снега зимой. Дождь, когда он меньше всего нужен. Солнце, настолько тусклое, что англичане изобрели теплое пиво вместо холодного лагера.

Именно это отсутствие контрастов и прельстило Сару. После стольких бостонских зим предсказуемость британской погоды казалась привлекательной.

Но последние три недели с климатом творилось что-то несусветное. Каждый день начинался с холодного утра, перетекавшего в невыносимую жару. Сейчас едва наступил полдень, так что в последующие несколько часов жара будет только усиливаться.

Сара с тоской оглянулась на телевизионный фургон, на котором приехала. С нежностью вспомнила кондиционер внутри.

А ведь не прошло и пяти минут.

– Как думаете, сколько еще?

Сара обернулась к спрашивающему. Нейтан Бенсон. Парень из нового поколения их операторов. Все они были юными гениями в области технологий, но не имели ни малейшего опыта и ни крупицы здравого смысла. Сара скучала по старой гвардии. Особенно по одному ее представителю. При воспоминании о Джеке Магуайре на нее нахлынула привычная волна печали. Тот погиб при взрыве, двух лет не прошло. Незадолго до того, как Саре пришлось спасаться бегством. До того, как она встретила Майкла.

– О чем ты? – спросила она, отгоняя посторонние мысли.

– Сколько нам еще тут находиться? Ничего не происходит.

– Столько, сколько потребуется, – ответила Сара. Совет, который она сама получила годы назад от оператора, каким Бенсону никогда не стать, нечего и надеяться. – Будем ждать, пока они не почувствуют, что готовы что-то нам сообщить.

Бенсон кивнул. По тону Сары становилось ясно, что дальнейшие вопросы не приветствуются. Поэтому он снова сосредоточился на своем ультрасовременном оборудовании. Цифровых настройках, в которых не разбирался никто за пределами его сферы деятельности.

Сара озадаченно смотрела на него несколько секунд, но камера Бенсона не могла долго удерживать ее внимание. Ей быстро надоела его возня, и она вернулась к фургону. Тот был припаркован у бордюра. Рядом стояли еще пять таких же, только с другими логотипами.

Сара миновала их все. Перешла дорогу. Отойдя достаточно далеко, обернулась и посмотрела на то, что осталось у нее за спиной.

Сам по себе дом выглядел величественно. Большой, даже для этого района. По прикидкам Сары, в нем было шесть спален, и все немаленькие. С улицы можно было разглядеть подъездную дорожку за автоматическими железными воротами. Широкую, мощенную большими камнями. Замысловатая мозаика, которую невозможно было бы выложить без большого терпения и боли в спине. Все в этом доме говорило: «Семейная обитель».

Сара знала, что на самом деле это не так. Уже не так.

Вытирая капли пота со лба, Сара огляделась. В соседних домах было тихо. Ни единого лица не выглядывало ни из одного окна. Но Сара этого и не ожидала. Когда в подобный район заявляется Скотленд-Ярд, ни одна голова не высовывается из-за балюстрады. Друзья превращаются в отдаленных приятелей, отдаленные приятели – в незнакомцев. Когда вокруг полиция, даже самые дружелюбно настроенные соседи желают, чтобы к ним не лезли.

Зной усиливался. Сара это чувствовала. Она перешла обратно через дорогу, на этот раз направляясь напрямик к маленькой группке из трех репортеров, мужчины и двух женщин. Судя по видимым следам воздействия жары, они все находились здесь уже долгое время.

– Мисс Труман, – поприветствовал ее репортер-мужчина. Он был предположительно того же возраста, что и Сара. Уж точно моложе тридцати. Но, как и остальные, стоял гораздо ниже ее на карьерной лестнице. – Нечасто видим вас за таким занятием.

– Что мне сказать? Решила выйти погреться на солнышке. – Сара улыбнулась, произнося эти слова. В надежде, что дружелюбие поможет ей скрыть тот факт, что она не знает их имен. – Никто не слышал, что там происходит внутри?

– Только то, что подслушала Джоан, – ответила репортерша из CNN. Высокая хорошенькая американка. Лет двадцати двух. Совсем как Сара, когда та была начинающим репортером CNN, только эта девушка, должно быть, начала еще раньше. – Поэтому прислали вас?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, Джоан не ошиблась, и жертва действительно судья? Ваш муж – какой-то важный адвокат, правда?

– Мой жених – барристер, да. Но я вряд ли назвала бы его важным, – ответила Сара. – И не вижу, чем мне это может помочь. Существует полно судей и полно адвокатов. Не все они знакомы. К тому же мы не уверены, что Джоан услышала правильно.

Сара кривила душой: репортерша попала в точку. Род занятий Майкла действительно был причиной, по которой прислали ее. И Сара не просто знала профессию жертвы: с десяти утра ей было доподлинно известно, что убийство произошло в доме, где проживал бывший лорд главный судья Филипп Лонгман. Были и положительные стороны в непрерывных корпоративных ужинах, которые ей приходилось терпеть ради Майкла. Например, связи в Министерстве юстиции.

– Джоан слышала то, что слышала, – стал настаивать первый репортер. – Она редко что-то упускает. Потом она доложила ITV и внезапно пропала. А вместо нее прислали кого-то повыше должностью. По мне, так тут все ясно.

– Возможно, вы правы, – уступила Сара, все еще не желая делиться информацией. – Но если они там наверху что-то и знают, то не сочли нужным мне сообщить. А лучше бы сообщили. По крайней мере, я бы знала, что плаваю здесь не за то, что кого-то задела.

Саре сложно было определить, что означало прозвучавшее в ответ на ее слова коллективное бормотание. Возможно, согласие. Возможно, недоверие. По большому счету это не имело для нее никакого значения. Прежде чем кто-нибудь успел сказать что-нибудь еще, железные автоматические ворота стали открываться.

– Нейтан! – Сара была готова. Ее оператор – нет. – Нейтан!

Второй окрик прозвучал громче первого, явно выдавая ее нетерпение. Это подействовало. Объектив Бенсона тут же оказался наставлен куда надо.

Ворота оставались закрытыми по меньшей мере с девяти утра, когда начали собираться представители СМИ. С того времени через дверь дома то и дело сновали полицейские, одни в форме, другие в белых комбинезонах. Теперь они все выходили, в общей сложности двенадцать человек.

– Она, – прошептала Сара, указывая на единственного полицейского перед домом, одетого не в форму и не в белый комбинезон криминалиста. – Вот с кем нам нужно поговорить.

Бенсон нажатием кнопки настроил объектив, чтобы снять женщину, на которую показала Сара, крупным планом. Один взгляд на экран его камеры подтвердил ее догадку: эта женщина в обычной одежде была главной.

Девять

Главный инспектор Джоэль Леви спокойно относилась к СМИ. Они были необходимы. Иногда даже полезны. Много убийств без их участия остались бы нераскрытыми, знала она. Но, несмотря на это, некоторые ее коллеги отнюдь не питали к СМИ теплых чувств. Некоторые даже воспринимали репортеров как врагов.

Леви заметила, что чаще всего именно этим коллегам было что скрывать.

– Стив, на мне ничего нет?

Инспектор Стивен Хейл отреагировал моментально: они со старшим инспектором давным-давно отладили эту процедуру до совершенства. Леви собиралась разговаривать с репортерами после того, как два часа провела на кровавом месте преступления. Если хотя бы пятнышко крови Филиппа Лонгмана попадет на телевизионный экран, имиджу британской полиции будет нанесен непоправимый урон. Поэтому Хейл внимательно осмотрел ее с головы до ног.

– Ничего, – наконец заключил он.

– Спасибо.

Леви подняла руку к волосам и распустила пучок. По шее рассыпалась тяжелая черная грива, чуть-чуть не доставая до плеч.

– Злая ведьма превращается в Скарлетт О’Хару, – с улыбкой сказал Хейл.

– Смешно, – отрезала она. Леви не особенно заботил ее внешний вид, но она была реалисткой. Нравится ей это или нет, ее будут судить как женщину. Забранные волосы производят впечатление суровости. Распущенные – сигнализируют, что к их обладательнице можно приблизиться. Значима любая деталь, которая способна привлечь общественность на ее сторону.

Она повернулась к теперь уже полностью открытым воротам.

– Заводите их.

Хейл махнул полицейскому у ворот, и тот, не теряя времени, предложил репортерам с операторами пройти во двор. Поближе к входной двери, у которой стояли Леви с Хейлом. Вопросы посыпались еще до того, как стайка репортеров успела остановиться.

– Можете прокомментировать слухи, что жертва – судья высокого уровня?

– Это правда, что в доме был убит судья?

– Есть ли связь между жертвой и каким-либо текущим судебным разбирательством?

– Дамы и господа, сейчас мы не можем и не станем отвечать на вопросы, связанные с личностью жертвы, – безапелляционно ответила Леви. Вопросы прекратились. – Я могу только в общих чертах сообщить, что произошло, и, как обычно, если вы пойдете нам навстречу, то потом можете рассчитывать на нашу благодарность. Все согласны?

– Услуга за услугу? – Вопрос исходил от девушки, которая единственная из репортеров хранила молчание до сего момента. Леви узнала девушку: ее звали Сара Труман. – Мы первыми услышим о том, что вы узнаете?

– Само собой разумеется, мисс Труман.

– Я бы так не сказала.

Леви улыбнулась. Она уважала профессионализм как в своей сфере деятельности, так и в любой другой и была прекрасно осведомлена о репутации Сары.

– Тогда даю вам слово. Вы четверо первыми получите доступ к любой информации, которую мы сможем сообщить, как только появится возможность. Если до того времени будете на нашей стороне.

– Согласна. – Произнося это, Сара шагнула в сторону, чтобы открыть оператору лучший вид на Леви, готовую сделать сообщение. – Скажите, когда начинаем.

Десять

Майкл смотрел с моста Ватерлоо на мерцающую поверхность Темзы. Ее мутные воды казались голубыми из-за отражающегося в них безоблачного неба. Это иллюзия делала один из лучших видов Лондона еще красивее.

Майклу всегда нравилось проходить этот путь пешком. От вокзала Ватерлоо до Миддл-Темпла. Всего полтора с небольшим километра, он проходил через мост Ватерлоо, откуда открывался вид на самые знаменитые достопримечательности Лондона. Каждая из них напоминала о том, как далеко ушел Майкл от мрачных улиц своего детства. Поэтому он и выбрал это место – самый центр между Стрэндом и Саут-Банком, – чтобы сделать Саре предложение спустя всего год после того, как они встретились.

От этого воспоминания его нежность к мосту только усиливалась.

Место, куда Майкл направлялся, было в своем роде столь же примечательным. Всего в нескольких минутах ходьбы от моста Ватерлоо начинался лондонский Темпл – район, где перед глазами разворачивалась история. Выстроенный вокруг девятисотлетней церкви, изначально он служил пристанищем английским тамплиерам. После жестокой расправы над орде-ном, завершившейся в 1312 году, территория некоторое время переходила от владельца к владельцу по прихоти следовавших друг за другом средневековых королей. Сто лет неразберихи завершились в конце XIV века, когда там обосновались законники. С тех пор успело смениться тысячелетие, но большинство барристеров до сих пор называло Темпл домом.

Пройдя первые сто метров по Флит-стрит по направлению к Миддл-Темпл-лейн, Майкл посмотрел налево. Несмотря на прошедшие годы, вид все еще производил на него впечатление. Королевский судный двор Лондона был возведен во времена расцвета Британской империи. Могущество Британии отразилось в самом размере постройки. Самое большое здание суда в Европе, его величественный каменный фасад с первого взгляда заворожил Майкла.

Миддл-Темпл-лейн не настолько поражала воображение, но и она казалась особенной. Выйти на эту улицу можно было через неприметные белые ворота прямо напротив здания суда. Майкл проходил через эти ворота почти каждый рабочий день на протяжении своей карьеры, однако его не переставало изумлять то, как их порог делит мир на две части. С одной стороны – со стороны Флит-стрит – оставалась современность в виде обычной оживленной лондонской магистрали. По другую – открывалось прошлое. Мощеные улочки. Газовые фонари. Старинные здания, покосившиеся от возраста.словно диккенсовский роман воплотился в жизнь, и Майкл в очередной раз восхитился, хотя шел здесь не впервые.

Он посмотрел на часы. 13:15. Из-за решения идти пешком он добрался позже намеченного времени. И к тому же вспотел. Принимая это решение, Майкл не подумал о жаре. Теперь он вытащил из кармана брюк телефон и увидел, что его уже поджидает сообщение: «Опаздываешь, засранец».

Сообщение не стало сюрпризом. Майклу даже не нужно было смотреть на имя, чтобы догадаться, кто автор.

«Две минуты. Прости», – написал он в ответ.

Майкл ускорился, преодолевая короткое расстояние, оставшееся до Миддл-Темпла. Добравшись, он бегом поднялся по короткой лестнице и проник через железные черные двери, ведущие внутрь.

Здание Миддл-Темпла, подобно окружающим его улочкам, словно перенеслось из прошлого. Построенное в тюдоровском стиле по приказу Елизаветы I, оно почти не изменилось с XVI века, как и его назначение. Холл – так попросту называли его обитатели – всегда был рабочим помещением. Местом, где адвокаты ели, встречались и обсуждали дела. И как ни

сложно было совместить старинные дубовые столы, пятисотлетние балки и мраморные статуи с офисной столовой для сотни лондонских барристеров, в этом и состояла суть холла.

Майкл сразу заметил Дерек Рид. Того просто невозможно было проглядеть. При своих 190 сантиметрах Рид был на пять сантиметров выше Майкла, но в толпе его выделял не только рост. Семнадцать лет назад, когда Майкл познакомился с Ридом и стал его учеником, Рид уже был более грузным, чем это полезно для здоровья. Теперь, в возрасте пятидесяти семи, он сделался почти шарообразным.

– Прости, что опоздал. – Майкл заметил на длинном дубовом столе перед Ридом грязную пустую тарелку. Тот времени зря не терял. – В тюрьме задержался.

– Как всегда. – Отодвинув первую тарелку, Рид медленно поднялся. – Я все еще голоден как волк. Давай возьмем еды, а потом ты начнешь мне плакаться о тюрьмах и поездках.

Они быстро наполнили тарелки. Регулярно обедая вместе, они превратили процесс накладывания еды в высокое искусство. Через несколько минут они уже вернулись на занятое Ридом место с тарелками, доверху заполненными запеченным мясом, картошкой и овощами.

То, что Рид уже успел съесть, ничуть не уменьшило его аппетита. Когда он снова открыл рот, на его тарелке оставалось на пять картофелин и порцию говядины меньше.

– Как он? – спросил Рид, прожевав очередной кусок.

– Как ты и предупреждал. Напуган.

Рид задумчиво кивнул, прежде чем приняться за следующую картофелину.

– Думаешь, сможешь на него повлиять? – наконец спросил он, забрасывая последние кусочки картошки в рот. – Чтобы он хоть немного себе помог.

– Сомневаюсь, – ответил Майкл. – Судя по сегодняшней встрече, у парня кишка тонка показать на настоящего убийцу.

– Да, – произнес Рид, вытирая губы. – Да. Я и сам так думаю.

Он отодвинул опустевшую тарелку. Способность друга приканчивать еду не переставала удивлять Майкла: его собственная тарелка была еще на три четверти полной.

– Если Саймону достанет храбрости постоять за себя, – продолжал Рид, – ты сможешь прижать О’Дрисколла и показать всем, что Колливер – лживый ублюдок и, вероятно, еще и убийца. Все, что требуется от Саймона, – это развязать тебе руки. Двадцать минут перекрестного допроса, и ты этих отмороzków в бараний рог скрутишь, если только тебе позволить. Я знаю, ты это сделаешь.

– Ну спасибо за доверие.

Собственные слова показались Майклу агрессивными, едва он их произнес, и он тут же пожалел об этом. Знал Рид или нет, но его вера в способность Майкла прищучить свидетеля многое для него значила. То, что Майкл как королевский адвокат теперь стоял выше Рида, было всего лишь случайностью. Майкл считал вопиющим тот факт, что Рид не достиг этого звания сам, причем много лет назад, но для него это ничего не меняло. С титулом или нет, Дерек Рид был самым талантливым барристером из всех, кого он знал.

– Не волнуйся, – ответил Рид. – Я знаю, твоя самооценка не нуждается в поднятии.

Майкл понимал, что друг не обиделся, но все же чувствовал себя неуютно. А Рид, почувствовав его дискомфорт, внимательно разглядывал его лицо.

– Послушай меня, Майкл. – Его тон изменился, стал более серьезным. Это заставило Майкла выпрямиться и слушать внимательнее, совсем как шестнадцать лет назад, когда они все еще были учеником и наставником. – Я знаю, что с тобой не так, пора тебе прекращать это. Хватит чувствовать себя виноватым из-за того, что дело досталось тебе. Оно ушло от меня, как только судья постановил, что им должна заниматься шелковая мантия. По крайней мере, его ведешь ты. С тобой у Саймона еще есть шанс.

От комплимента сердце Майкла забилося чуть быстрее и на лице появилась улыбка. Эта реакция одновременно смутила его и напомнила о странных взаимоотношениях, которые все-

гда будут связывать барристера и его бывшего наставника. Целых полгода юнец Майкл двадцати одного года от роду был тенью Рида. Они вместе работали, ездили, ели и – чаще всего – пили. Отношения между барристером-учеником и барристером-наставником были уникальными: ни в какой другой профессии не существовало стажировки, которая предполагала бы подобную близость. Иногда эта стажировка бывала неудачной. В большинстве случаев – очень даже удачной. А иногда – крайне редко – служила основой для пожизненной дружбы и взаимного уважения. Случай Майкла и Рида относился к этой редкой третьей категории, и все же не так много потребовалось, чтобы Майкл снова почувствовал себя двадцатилетним мальчишкой, светящимся от похвалы наставника.

Он задумался: изменится ли это когда-нибудь?

– Все равно нужно было оставить его тебе.

– Ну что случилось, то случилось. – Рид ясно дал понять своим тоном, что пора закрыть тему. – Теперь скажи мне, ты уже встретился со своим младшим барристером?

– Еще нет.

Для наиболее серьезных случаев было типично, чтобы обвиняемого защищали два барристера. Основной – зачастую королевский адвокат – и младший. Обоих обычно выбирал солиситор, и нередко выходило, что они не встречались друг с другом до того, как приняли дело. Не было ничего удивительного в том, что Майкл никогда не видел Дженни Дрейпер.

– Какая она? – спросил Майкл.

– Очень умная и работающая. – Рид почти ухмыльнулся, произнося эти слова.

– Идеальная комбинация, – улыбнулся Майкл. Мысли друга были для него как открытая книга. – Но это ничего не говорит мне о том, что она за человек.

– Привлекательная блондинка, – засмеялся Рид. – Так что смотри в оба.

Неожиданный поворот в разговоре вызвал у них хохот.

– Можешь мне этого не говорить, – наконец произнес сквозь смех Майкл. – Мне уже не двадцать!

– Ой, да ладно! – ответил Рид, даже не пытаясь говорить тише. – Ты точно так же вел себя и в тридцать. Сейчас было бы то же самое, не встретить ты Сару.

– Но я ее встретил, Дерек.

– Да, не повезло ей, бедняжке. – Рид снова понизил голос. – Но серьезно, Майкл. У Дженни Дрейпер репутация любительницы шелковых мантий.

До Майкла доходили похожие слухи. О том, что за плечами его нового младшего барристера осталось немало скандальных отношений с королевскими адвокатами, или «шелковыми мантиями», как их часто называли другие члены адвокатской братии за то, что их мантии были сделаны из шелка, а не из более грубого материала, как у обычных барристеров.

– Думаешь, она может заинтересоваться мной только по этой причине? – спросил Майкл, имитируя одновременно неведение и возмущение. – Ты меня обижаешь.

– Хватит дурачиться. – Рид не шутил. И хотел, чтобы в кои-то веки его слова были восприняты серьезно. – Просто будь с ней осторожен. Вот и все, что прошу.

– Дерек, я не собираюсь рисковать отношениями с Сарой. Уж точно не ради девушки, которую интересуется только мое звание.

Майкл отодвинул тарелку и положил салфетку на стол.

– Забудь. Нас ждет кое-что поважнее: вон тот столик с десертами явно поставлен для тебя.

– Не нужно повторять мне это дважды, – ответил Рид и поднялся на ноги, не сводя глаз со стоящего в десяти метрах от них столика. – И то и другое.

Одиннадцать

Рассел Лонгман сидел, глядя в стену. Не мог сфокусировать взгляд ни на одном из заламинированных плакатов и бумажных постеров с медицинской информацией, покрывавших стены. Они висели так плотно, что едва ли можно было обнаружить и сантиметр белой краски.

Но для Рассела Лонгмана стены были все равно что пустыми. Его мысли витали в другом месте. Переполненные невыносимой смесью горя, стыда и страха. Горе было естественным. Стыд был вызван тем, что прошло несколько месяцев с тех пор, как он последний раз навещал отца. Несколько недель с тех пор, как они последний раз разговаривали. Страх пришел вместе с мыслью о том, что его ждет: он должен опознать изуродованный труп.

«Я не могу этого сделать». Тихий голос в голове Лонгмана словно доносился откуда-то извне. Откуда-то издалека. Поначалу он едва его различил, но с каждым повторением слова становились все громче.

«Я не могу этого сделать. Я не могу этого сделать».

Постепенно до него стал доходить смысл слов. Он прислушался. Согласился. Он не мог этого сделать. От него хотели слишком многого.

«Я не могу этого сделать!»

Рассел Лонгман не был сильным человеком. Он прекрасно знал, что это так, знал, что просто не способен на то, о чем его сейчас попросят. Потеря отца уже нанесла ему сокрушительный удар. А теперь он еще и должен смотреть на то, что с ним сделали? Своими глазами увидеть, чему подвергся отец?

«Это слишком. Слишком».

Лонгман поднялся, не сдерживая волнение.

– Слишком, – пробормотал он. – Слишком.

С бешено колотящимся сердцем он обвел взглядом комнату в поисках своих вещей, которые он куда-то машинально уронил, когда его попросили присесть. Голова шла кругом, и из-за этого у Лонгмана ушло больше времени, чем должно было бы, на поиск брошенной куртки. Это усилило его тревожное состояние.

Чувствуя, что в комнате не осталось ничего устойчивого, даже стен, Лонгман ухватился за дверной косяк и заставил себя сделать несколько глубоких вдохов и выдохов.

Возможно, это ему помогло бы. А может, и нет. Но в любом случае Лонгману пришлось остановиться и отступить от двери, когда та открылась и в комнату вошла Джоэль Леви.

Ее прибытие вырвало его из растущего смятения. Поначалу ее появление принесло ему облегчение, отвлекло от лихорадочных мыслей.

– Готовы, Рассел? – спросила Леви, не отходя от двери.

Лонгман не шелохнулся. Взглядом усталых покрасневших глаз впился в ее глаза. Ее прибытие дало ему передышку. Но теперь он понял, зачем она здесь.

«Отвести меня к папе».

От этой мысли у него подкосились колени, пришлось снова сесть. Что он и сделал, не произнося ни слова.

Казалось, Леви каким-то образом понимает. Она подошла к нему, подцепила стул и поставила рядом с Лонгманом. Ничего не сказала. Вместо этого стала мягко поглаживать его рукой по плечам. Медленный успокаивающий ритм. Он был благодарен за поддержку и продолжающееся молчание, в котором он попытался взять себя в руки. Но все равно не мог заставить себя сделать то, что от него требовалось.

– Я не смогу, – наконец сказал он голосом, едва отличимым от шепота.

– Сможете, Рассел, – мягко ответила Леви. – Сможете ради отца.

– Нет. Вы не понимаете. Я не могу видеть его таким. Мне этого не выдержать. Не после того... после того, что с ним сделали. – У Лонгмана дрогнул голос.

– Я понимаю, Рассел. – Голос Леви по-прежнему звучал мягко, но в нем появилась жесткость, не давшая Лонгману ее перебить. – Поверьте, я навидалась всяких ужасов. Когда мне было восемнадцать, я вступила в Армию обороны Израиля. Я провела там восемь лет в общей сложности: сначала в армии, потом в организации под названием Шин-Бет. За эти восемь лет я видела такое, чего не пожелала бы и злейшему врагу. Невинных людей, изрешеченных автоматами. Детей, разнесенных на куски бомбами смертников. Один раз даже последствия применения химического оружия. А потом я вернулась в Англию, вступила в полицию Лондона и оказалась в группе по расследованию особо важных преступлений, и на этой службе я вот уже тринадцать лет каждый божий день вижу только насилие и смерть.

– Я не... не понимаю. Вы хотите, чтобы мне от этого стало легче?

– Нет. Я бы стала оскорблять вас попытками сделать так, чтобы вам было легче. Не тогда, когда вы понесли такую утрату. Но я хочу, чтобы вы поняли вот что: несмотря на все, что я видела, несмотря на всю кровь, всю жестокость и все убийства, самым тяжелым в моей жизни было стоять над бабушкой, когда та мирно умирала в своей постели. Бабушкой, которая меня вырастила.

Лонгман видел боль в глазах Леви, вызванную воспоминаниями. Он начинал понимать, почему она все это ему рассказывает.

– Видите ли, вне зависимости от того, через что вам пришлось пройти, нет ничего тяжелее, чем терять любимых. И иногда вместе с этой потерей приходят обязанности. Иногда – обязанность смотреть, как они умирают. Или сделать то, о чем мы вас сейчас просим. И неважно, кто вы: солдат, шпион, коп, которые каждый день имеют дело со смертью, или обычный человек, – вам придется взять на себя эти обязанности. Вы должны это сделать, Рассел. Понимаю, это хреново, но вы должны это сделать. Потому что ваш отец заслуживает хотя бы этого. Разве нет?

Несколько секунд Лонгман сидел молча, впитывая ее слова. Она произнесла их добрым сочувственным голосом, но подтекст был очевиден.

«Будь мужиком, черт тебя дер!».

– Вы не обязаны делать это в одиночку, – сказала Леви. – Мы подождем, если вы хотите позвать кого-нибудь, кто может вас поддержать.

И только после этих слов он осознал, что у него нет выбора. Ответственность лежала на нем и только на нем.

Он сделал последний глубокий вдох, пытаясь подавить нарастающее в животе волнение, и посмотрел Леви в глаза.

– Как он выглядит? В крови?

– Нет, Рассел. – Ее тон не изменился. – Вашего отца помыли. Он выглядит спящим. Только и всего.

– А что с его ранами? Его ртом? Мне сказали в полиции...

– Обо всем этом позаботились. Мы бы ни за что не оставили его в таком виде.

Лонгману показалось, что перед тем, как Леви ответила, на ее лице мелькнуло сердитое выражение. Он понял в тот миг, что ему рассказали гораздо больше подробностей убийства, чем ей бы хотелось. Но его это не волновало. У него были свои заботы.

– А порезы на теле?

– Их помыли и прикрыли, Рассел. Вам не придется на них смотреть.

– Но их не зашили? Почему их оставили открытыми? – повысил голос Лонгман. Его разум уцепился за возмущение.

– Мы не можем этого сделать, Рассел. Мы расследуем убийство. А значит, нужно провести аутопсию. Если мы зашьем его раны до этого, то можем уничтожить улики. Я понимаю,

каково вам. Правда. Но, поверьте, будет гораздо хуже, если из-за нашей ошибки этого ублюдка признают невиновным, после того как мы его поймаем.

Лонгман снова кивнул. На этот раз с более осмысленным взглядом. Здравый смысл в словах Леви снова рассеял его смутнение.

Ее слова помогли ему мыслить яснее, но также вызвали новые вопросы.

– У вас есть зацепки? Хоть какие-то?

Его голос зазвучал сильнее. Менее эмоционально.

– Еще слишком рано, Рассел, но будут. – Леви говорила без тени сомнения. – Ваш папа наверняка нажил себе уйму врагов, учитывая то, кем он был. Но то, что с ним сделали... Это совершенно особый уровень зла, и это сужает круг. Так что мы найдем ублюдка. Ему не отвертеться.

– Обещаете? – Покинувшие голос Лонгмана эмоции вернулись. На глазах выступили слезы. – Обещаете, что поймаете того, кто сделал это с папой?

– Обещаю, Рассел. – Рука Леви снова принялась гладить его по плечам. – Мы его поймаем. Обещаю.

Лонгман не ответил. Не мог из-за слез, которые теперь катились по щекам. Вместо этого он опустил голову на ладони, закрывая лицо.

Леви встала и отошла обратно к двери, где принялась молча ждать, когда Лонгман поднимется на ноги и утрет слезы.

– Я готов, – сказал он. Его дрогнувший голос никак не отражал его новообетенную решимость.

– Уверены, Рассел? – снова спросила Леви. – Мы можем подождать, чтобы кто-нибудь приехал вас поддержать. Жена? Братья?

– Никто не приедет, – ответил Лонгман. Его голос зазвучал тверже. – Мэттью и Питер еще не знают: мне не хочется сообщать им по телефону. Элис? Ну она больше не считает себя моей женой, поэтому вряд ли она куда-то приедет.

– Что насчет друга? Кого-нибудь?

– Я никого не хочу подвергать такому испытанию, инспектор Леви. – Чем дольше Лонгман говорил, тем сильнее росла его решимость. – Кто-то должен это сделать, и так уж получилось, что я. Как вы сами сказали, папа заслуживает хотя бы этого.

Двенадцать

Дерек Рид взял одну большую пачку с чипсами с солью и уксусом из тех, что лежали на краю стола. Открыл и почти сразу же прикончил все ее содержимое. Внимание его при этом было приковано к материалам дела, которым он сейчас занимался, поэтому он даже не сразу заметил, что чипсы в пакете закончились. Это обстоятельство было тут же исправлено. Уже через секунду открылась вторая пачка.

Дело, которое готовил Рид, было необычным. Разбирательство по нему уже состоялось и завершилось не в пользу Рида. Присяжные признали его клиента виновным в сложном банковском мошенничестве. Вердикт был вынесен большинством голосов, а это обычно означало, что не более двух присяжных не согласились с остальными десятью. Но здесь был другой случай. В ходе разбирательства «потерялась» одна присяжная: состояние здоровья не позволило ей и дальше участвовать в процессе. Присяжных осталось всего одиннадцать, поэтому большинство голосов означало один против десяти. Иное соотношение было недопустимо.

Присяжным все это объяснили. Детально, простым языком. Ошибки быть не могло, думал Рид. Однако теперь выходило, что все-таки произошла ошибка. Уже после признания подсудимого виновным двое присяжных написали судье о том, что они разделились на три против восьми. Да, большинство, но по закону этого недостаточно для вынесения вердикта.

Это была крайне необычная ситуация. И к тому же непростая. По правилам совещание присяжных проходило в условиях строжайшей секретности. Все сказанное ими за закрытыми дверями считалось неприкосновенной тайной. И это правило нельзя было нарушить. Однако теперь оказалось, что само совещание проходило не должным образом. Если вердикт был вынесен не по закону, то клиент Рида не мог быть осужден. А значит, возникала необходимость в апелляции. Но как подготовить апелляцию, не нарушая неприкосновенности комнаты для совещания присяжных? Это стало исключительной проблемой, которой Рид никак не мог найти решения.

Рид оторвал взгляд от бумаг и огляделся. Он не искал ничего конкретного. Просто нужно было посмотреть на что-нибудь, что не было бы листом А4 или экраном компьютера. В такие минуты обстановка кабинета (какие-то детали были личными, какие-то – профессиональными) помогала ему отвлечься.

В этой адвокатской конторе Рид состоял вот уже тридцать четыре года. Всю свою карьеру. Его ученичество – тот же процесс, который Майкл прошел под началом самого Рида, – проходило в другом месте. Но сразу после этого он вступил в «Восьмой эссекский двор» и с тех пор оставался здесь.

На его глазах контора разрослась, вместо двадцати восьми членов стало восемьдесят три. Внушительный прирост количества, а вот что касается качества – спорный вопрос. Государственные расходы на обязательную юридическую помощь все урезались, доходы барристеров по уголовным делам, соответственно, катастрофически падали, что отпугивало лучших из потенциальных соискателей. Они выбирали профессии, в которых их навыки оценивались по рыночной стоимости.

Способности новых соискателей стали слабее, зато их численность ничуть не уменьшилась. Так и получилось, что в «Восьмом эссекском дворе» теперь было в три раза больше человек, втиснутых в вековое здание, которое едва вмещало в себя изначальное количество. Большинство помещений оказались завалены бумагой и битком набиты людьми. Даже некоторым из семи королевских адвокатов конторы – в их число теперь входил Майкл Девлин – приходилось работать в одном кабинете с другими.

Каким-то образом Риду удалось закрепить за собой отдельный кабинет. Пусть и очень старый. Весь разваливающийся, со скрипящими под весом бесконечных папок полками. Но он

принадлежал Риду и только Риду. Пусть его блестящая репутация и не принесла ему шелковой мантии, но все же она имела кое-какое значение.

В его кабинете почти не ощущался дух времени. Рид этим гордился. Если не принимать в расчет несколько деталей, кабинет мог находиться на каком угодно отрезке из последних 150 лет. Рид считал себя человеком ушедших, более простых времен. Времен, когда для того, чтобы добиться успеха в зале суда, барристеру нужен был только талант. Он сознательно решил, что его кабинет должен производить такое впечатление, нарушаемое лишь присутствием ноутбука, маленького телевизора с плоским экраном и дорогой кофемашины. Ни без одного из этих предметов, по мнению Рида, нельзя было обойтись.

И сейчас, когда Рид оторвал взгляд от стола, его внимание привлёк именно телевизор, на экране которого он увидел лицо Сары Труман. Уже из-за одного этого Рид сделал бы перерыв: ему нравилось следить за работой приятельницы. Но то, что находилось позади Сары, мгновенно изгнало из его головы все мысли о делах. Это был старый семейный дом Филиппа Лонгмана.

Рид потянулся за пультом. Сердце неожиданно застучало быстрее. Чувствуя нарастающую панику, он неуклюже потыкал кнопки, отчаянно пытаясь включить звук. Наконец у него получилось, и чертова штука начала работать.

Голос Сары из телевизора мгновенно заполнил кабинет.

– ...обнаружено приблизительно в восемь часов утра домработницей. По словам полиции, домработница пребывает в состоянии шока и находится под присмотром родных. Ее спросят подробнее, когда она придет в себя после увиденного. Однако, насколько я понимаю, в полиции не рассчитывают, что она сможет помочь в расследовании.

Рид почувствовал, как на виске забились жилки. У него поднялось давление. Каждое сказанное слово подтверждало его худшие опасения. Теперь Сара заговорила с ведущим новостей, а это означало, что шел прямой эфир.

– Я так понимаю, Дэвид, что точную причину смерти еще не установили. Будет проведена аутопсия, но уже сейчас можно утверждать, что смерть бывшего лорда главного судьи была насильственной. В доме действительно произошло убийство, и полиция уже его расследует.

Тон Сары давал понять, что репортаж завершен, но Рид больше и не слушал. Потрясенный, он уставился в пустоту, не веря своим ушам.

Риду уже доводилось испытывать панические атаки. Это случалось с ним чаще, чем он мог вспомнить, поэтому он сразу распознал симптомы. Грудь сдавило, почти как при сердечном приступе. Рид знал, что нужно взять себя в руки: при панической атаке выделяется достаточно кортизола, чтобы в худшем случае у него действительно остановилось сердце. Сосредоточив взгляд в одной точке над дверью, он принялся дышать так глубоко, как только мог. Жадные долгие вдохи носом. Размеренные выдохи ртом. Медленно. Ритмично. Было непросто привести сердцебиение – а вместе с ним и уровень кортизола и адреналина в крови – в норму: как только у него начинало получаться, воображение снова рисовало Лонгмана, погибающего «насильственной смертью», и паника усиливалась.

Прошло тридцать пять лет с тех пор, как Рид с Лонгманом впервые встретились. Лонгману тогда еще не было пятидесяти, и его карьера шла в гору. Менее девяти месяцев оставалось до присвоения ему звания королевского адвоката и еще много лет – до того, как он стал судьей. Рид, напротив, еще не стал полноценным барристером. Он как раз сдал экзамен, и Лонгмана назначили его наставником. И, как это случилось у Рида и Майкла, ученичество выковало между ними дружбу длиною в жизнь. Дружбу, которую теперь прервала трагедия.

Несмотря на сохранившуюся между ними близость, их отношения отличались от отношений Рида с Майклом. Лонгман всегда выглядел гораздо старше Рида. Гораздо серьезнее. И потому они скорее относились друг к другу как отец к сыну, нежели как два брата, старший и младший, что было в случае Рида и Майкла. Но все отношения разные, и эти различия не

делают одну дружбу менее крепкой, чем другая. Рид любил Лонгмана так же сильно, как и Майкла. Он и помыслить не мог о том, чтобы потерять любого из них.

Рид откинулся на стуле, внезапно заметив, что угроза панической атаки миновала. Он сразу же достал телефон и принялся листать список контактов в поисках людей, для которых новость стала еще более тяжелым ударом. Его взгляд на мгновение задержался на имени Филиппа Лонгмана. На номере, по которому он никогда больше не позвонит.

При мысли об этом к глазам подкатили слезы. Он вытер их и стал просматривать другие имена на экране. Мэттью. Питер. Рассел. Сыновья Филиппа. Опыт и чутье подсказывали, что полицейские связались с Расселом. Тот жил значительно ближе к отцу, чем остальные, поэтому казалось логичным пригласить на опознание именно его. А значит, скорее всего, он уже знает о произошедшем.

Рид слушал, как прошло шесть, семь, восемь гудков. Он уже начал сочинять неизбежное голосовое сообщение, которое придется оставить, как ему ответили.

– Дерек, я собирался позвонить. – Голос в трубке звучал очень устало и опустошенно. – Прости, что тебе пришлось узнавать из новостей.

– Тут совершенно не за что извиняться, Рассел, – ответил Рид самым добрым голосом, на какой был способен. Он испытывал к младшему сыну Лонгмана лишь сочувствие. Из братьев Рассел был ближе всех по возрасту к Риду и всегда держался с ним дружелюбнее остальных. – Я звоню не для того, чтобы пожаловаться. А чтобы сказать, что я рядом. Какая бы помощь тебе ни понадобилась. Любая, какая в моих силах. Ты не один, Рассел.

Рассел ответил не сразу, но по тому, как изменилось его дыхание, все сразу стало понятно. Он испытал облегчение. Расселу Лонгману нужен был друг. Теперь он у него был.

– Спасибо, Дерек. – Рассел наконец обрел голос. – Я очень благодарен. Ты даже не представляешь, насколько.

– Ни слова больше. – Произнося эти слова, Рид опустил крышку ноутбука, закрыл папку с документами и поднялся на ноги. – Теперь скажи мне, где ты сейчас, Рассел. Я еду.

Тринадцать

Леон Феррис откинулся в кожаном кресле с высокой спинкой. Перед ним красовался хрустальный стакан с щедрой порцией виски цвета дуба. Он стоял на бирдекеле, чтобы не повредить дорогой стол из красного дерева. Это был единственный предмет на столе. Стол Ферриса не предназначался для бумажной работы. Ему было кому ее поручить. Как и все остальное в его темном, но дорого обставленном кабинете, стол был призван производить впечатление.

Феррис потянулся за стаканом. Пригубил содержимое, смакуя дымные нотки. Прошло много времени – восемь лет – с тех пор, как Феррис последний раз пил первоклассный скотч. Вкус был в точности таким, как он помнил.

То же самое относилось и к его кабинету, с удовлетворением отметил он, обводя взглядом комнату. Будучи скорее показателем статуса, нежели рабочим пространством, тот занимал целый этаж узкого здания. И казалось, что в комнате ни к чему не притрагивались с тех пор, как Феррис в последний раз здесь находился.

Он знал, что это не может быть правдой. Когда Феррис в последний раз был в кабинете, в дверь заходили сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью. Его выволокли отсюда в наручниках, обвиняемого в преступлениях как экономических, так и против жизни и здоровья. Каждый сантиметр кабинета подвергся осмотру, когда одно из самых влиятельных подразделений британской полиции искало доказательства его вины. То, что впоследствии разгромленный кабинет был приведен в первозданный вид, демонстрировало, какое уважение питают к Феррису его подчиненные.

Против Ферриса выдвинули целый ряд обвинений: убийство по предварительному сговору, разбойное нападение по предварительному сговору, торговля наркотиками, торговля людьми, отмывание денег, вымогательство. Все преступления, какие только можно предъявить криминальному барону. Огромный улов для полиции. Феррис с самого начала знал, что не сможет отмазаться от всего. Он был умным человеком. Ему хватало ума, чтобы понимать, когда дело проиграно. Но он понимал также и то, где может победить, поэтому поручил своим дорогостоящим адвокатам сражаться только в тех битвах, которые сам выбрал.

После ареста Феррис полгода изучал улики, на которых строилось обвинение. Пока не выучил их лучше всех. Лучше своего солиситора с барристерами. Конечно же, он совершил все, что ему вменялось, но знал, какие преступления обвинитель сможет доказать, а какие – нет. Феррис использовал это знание, чтобы направлять адвокатов, и к тому времени, как дело дошло до суда, самые тяжелые обвинения были сняты. Никаких убийств. Никакой торговли людьми. Все, что осталось, – это наркоторговля. Все еще серьезное обвинение. Требующее сурового приговора. Но все-таки не пожизненного заключения, которое грозило ему по первоначальным обвинениям.

Феррис признал свою вину и был приговорен к шестнадцати годам тюрьмы, из которых рассчитывал провести в заключении восемь. И выйти, когда ему будет сорок четыре. Уже не молодость, но и до старости далеко. Феррис смирился и решил извлечь из проведенных заперти лет максимальную пользу.

Весь свой срок он отмотал в одном месте. В тюрьме ее величества Уандсворт. Лондонской тюрьме, расположенной менее чем в десяти километрах от его территории. Целое состояние ушло на взятки, чтобы его посадили так близко к дому, но каждый пенни того стоил. Благодаря этому Феррис смог руководить своей империей из тюрьмы. Тюрьмы, в которой он правил.

Леон Феррис не заходил в свой кабинет восемь лет. Однако он никогда не покидал его по-настоящему.

Единственное, что не мог делать Феррис, сидя в тюрьме, это отдавать приказы лично. Но теперь это было ему доступно, поэтому последние пять часов он провел, принимая посетителей. Все они пришли сюда выказать уважение вернувшемуся боссу.

Феррис разобрался с каждым. Демонстрируя полную осведомленность о положении дел, он награждал или отчитал всех, кто того заслуживал. Это был насыщенный, но необходимый день. Феррис хотел, чтобы его возвращение заметили.

Только теперь, когда день подходил к концу, поток посетителей иссяк. Но расслабляться было рано. Наоборот, настало время выслушать отчет заместителей Ферриса.

Он молча оглядел кабинет. На него смотрели трое мужчин.

Кевин Теннант, правая рука Ферриса. Его самый близкий друг с юности. Неизменно преданный.

Харви Эллис. На десять лет младше Ферриса с Теннантом. Умный, способный и безжалостный.

И Тай Лич. На десять лет младше Эллиса. Водитель, что забрал Ферриса из тюрьмы Уандсворт утром. Малец, мечтающий стать гангстером. Что ж, он попал в правильную компанию.

Феррис внимательно разглядывал своих людей, не спеша начать разговор. Сделал еще один глоток виски, на этот раз дольше наслаждаясь приятным жжением. Как у всякого хорошего виски, второй глоток был лучше первого.

Лич, стоявший у единственной двери в комнату, шевельнулся. Он был еще слишком молод для того, чтобы привыкнуть к манере Ферриса вести дела. Остальные казались более расслабленными. Они уже бывали в этой комнате раньше.

– Итак, на этом все? – наконец спросил Феррис. Кивнул в сторону двери, чтобы пояснить вопрос.

– Больше никого не ждем, – ответил Эллис. Распорядок дня шефа находился в его ведении.

– Что насчет тех, кого еще следовало ждать? Нам известно, кто должен был прийти и не пришел?

– Пока нет. – Эллис поколебался всего долю секунды, но этого было достаточно, чтобы Феррис понял, что он предвидел вопрос. В расписании встреч оставалось несколько окон. Для людей, которые так и не явились выказать свое почтение. Их отсутствие говорило само за себя: они больше не хотели иметь дело с Феррисом. Такая выходка не могла остаться безнаказанной, и не останется. – У меня будет список завтра к середине дня.

– Быстрее. Нужно донести послание. – Феррис повернулся к Теннанту: – Чье-нибудь отсутствие показалось тебе странным?

– Нет. – Теннант всегда отличался прямолинейностью. – Это было ожидаемо. Они все с Баррелем.

Феррис только кивнул в ответ. Он понял, что имеет в виду Теннант. Эд Баррель, базирующийся менее чем в пятистах метрах от кабинета Ферриса, был последним в ряду претендентов на его трон.

«Всего лишь еще один в длинном списке», – подумал Феррис.

Всегда появляются новые банды. У тех, что побольше, возникают амбиции. Они пытаются соперничать. Иногда люди Ферриса переходят к ним: трава соседа чаще кажется зеленее, особенно когда босс в тюрьме. До сих пор Феррис успешно расправлялся с каждым новым соперником. Баррель не будет исключением.

Он опять повернулся к Эллису:

– Это так?

– Думаю, да. Но я решил подождать с выводами. На всякий случай.

– К черту «всякий случай». – Феррис произнес это без какого бы то ни было раздражения. Это был бизнес. – Мы не будем ждать. Подготовь список и проследи, чтобы с каждым из этих придурков разобрались. Без исключений.

– А что с Баррелем? – спросил Теннант.

– Он может и подождать. Пусть поварится в собственном соку, когда увидит, что случилось с его новыми людьми. Скоро он с нами свяжется.

– А когда он это сделает, что дальше?

– Мне обязательно отвечать?

Несмотря на всю преданность Теннанта, Ферриса иногда выводило из себя то, что ему постоянно нужны инструкции. Но он не стал высказывать недовольство. Теннант заслуживал уважения. Вместо этого Феррис сменил тему.

– Далее. Расскажите мне об этом мальчишке Тейлоре, которого я сегодня видел. Кажется, он неплохо разобрался, как у нас тут ведутся дела.

– Так и есть, Леон. – На этот раз ответил Лич. – Он мой друг и...

– Кто просил его открывать рот? – перебил Феррис, не обращаясь напрямую к Личу. Даже не глядя на него. Он прекрасно знал, почему Лич заговорил: это Лич ввел Тейлора в группировку Ферриса. Теперь ему выпала возможность получить похвалу за свои заслуги. Но хвалить было не в привычках Ферриса. – Почему он со мной разговаривает?

Лич тут же замолчал. Больше ни слова не произнес. Только уткнулся взглядом в пол. Феррис не сразу нарушил повисшую тишину, чтобы Личу стало еще неуютнее.

– Кто-нибудь еще собирается рассказать мне о Тейлоре?

– Он хороший парнишка, – ответил Эллис.

Никто даже не взглянул на Лича. Хотя Лич бы этого и не заметил. Он по-прежнему не отрывал глаз от пола.

Эллис продолжил:

– Он руководит уже двадцатью ребятами. Приносит неплохой доход.

– Заслуживает повышения или слишком рано?

– Смотря для чего тебе это.

– Предоставить нашим людям еще варианты. Чтобы они не переметнулись к другим. – Феррис видел по выражению лица Теннанта, что тот не догоняет. Его понимание политики преступного мира всегда оставляло желать лучшего. Феррис пояснил свою мысль ради Теннанта. – Мы разберемся с теми, кто перешел к Баррелю. Это будет нашим посланием. Но в то же время мы выдвинем Тейлора как альтернативу Баррелю. Чтобы мальчишки могли следовать за кем-то молодым. Кем-то, кто идет в гору, но в то же время верен нам. Кого мы контролируем.

– То есть, вместо того чтобы переметнуться, молодежь сможет примкнуть к Тейлору и мы их не потеряем? – уточнил Эллис. – Хорошая идея.

– Так он готов для этого? – Феррис желал получить ответ. – И подходит ли?

Теннант с Эллисом не стали сразу отвечать. Вопрос требовал должного размышления. Лич, все еще не пришедший в себя после того, как его поставили на место, не поднимал глаз.

– Меня кое-что беспокоит, – наконец ответил Теннант. – Он напоминает мне тебя в том же возрасте, Леон. Что бы ты сделал, если бы тебе оказали такую же поддержку?

– Я бы устранил тех, кто надо мной, и сам стал главным. По крайней мере, в итоге, – улыбнулся Феррис. Он видел, что беспокоит старого друга. Честолюбие редко сочетается с верностью. – Но мы же за ним присмотрим, не так ли? Врагов нужно держать поближе.

По лицу Ферриса расползлась улыбка. Он принял решение и был этим доволен. На самом деле он был доволен всем. Дела шли хорошо, пока он сидел в тюрьме. Не идеально, но лучше, чем он мог надеяться. И повышение Тейлора станет первым шагом к тому, чтобы восстановить то влияние – то уважение, – которое он все же утратил.

«Скоро, – подумал Феррис, – мы будем еще сильнее, чем прежде».

Едва ему в голову успела прийти эта мысль, как он настороженно выпрямился. Его внимание привлекло какое-то движение в другом конце комнаты, за Личем. Из-за последующей его реакции все головы в кабинете повернулись.

Кроме одной.

– Я, кажется, велел тебе держать долбаную дверь закрытой! – проревел Феррис, обращаясь к Личу.

Дело в том, что дверь тихо открылась и в комнату вошел маленький человек. После чего дверь снова закрылась, а Лич даже внимания не обратил.

Но теперь обратил.

Эллис с Теннантом уже были на ногах, не успел крик Ферриса стихнуть. Лич отреагировал почти так же быстро. Будучи ближе к двери, чем остальные, он без колебаний двинулся на прищельца. Явно намереваясь доказать свою ценность.

Все трое остановились, когда Феррис снова заговорил. Гнев уступил место замешательству.

– Это ты?

На самом деле это был не вопрос. Феррис узнал бы это лицо где угодно. Особенно глаза. Холодные светлые глаза.

– Это ведь ты, правда? – снова спросил он.

Ответа не последовало.

– Я задал вопрос.

И снова никакого ответа. Ферриса ситуация одновременно бесила и забавляла. Эмоции противоречили друг другу. Он не знал, которой руководствоваться.

Теннант, Эллис и Лич словно окаменели. Никто из них не понимал, что делать, и Феррис видел почему. Какой-то непримечательный человечек безо всякого приглашения зашел в кабинет их босса. И казалось, его совершенно не волнует, что своим молчанием он выражает неуважение Феррису.

«Такого нельзя допускать», – подумал Феррис.

Он вышел из-за стола. Раздражение победило.

– Видите этого сучоныша? – Феррис медленно двинулся вперед. Обращаясь к Теннанту с Эллисом. Не сводя при этом взгляда с новоприбывшего. – Он был со мной в Уандсворте. Три года назад. Так?

Ответа не последовало. Светлые глаза даже не моргнули.

Феррис подошел ближе.

– И знаете, что мы там с ним делали?

В комнате повисла тишина, прерванная, только когда Феррис заговорил снова, подчеркивая каждое слово и делая многозначительные паузы между ними.

– Все, чего бы мы ни пожелали, – сказал он и добавил еще медленнее. Еще с большим нажимом: – Когда желали. Так?

Никакого ответа. Феррис подошел уже совсем близко. Однако светлые глаза все еще выдерживали его взгляд.

– И знаете почему? Потому что сучоныш никогда не давал отпор. – Теперь голос Ферриса стал насмешливым. В нем зазвучала угроза, необходимая, чтобы держать в страхе тюрьму. – А теперь он здесь. Решил постоять за себя. Ты же это сейчас делаешь, так?

Никакого ответа. Феррис подступил еще на шаг. Его плевку пришлось преодолеть всего несколько сантиметров.

– Или у тебя другая цель? Так и есть, правда, сучоныш? Ты здесь, потому что хочешь еще.

Произнося эти слова, Феррис широко улыбнулся. Чтобы скрыть, что собирается сделать в следующую секунду. Потом без предупреждения замахнулся.

Феррис был крупным человеком. С большими руками. Как лопаты. Его противник был куда меньше, на несколько сантиметров ниже среднего роста. Не ему с его жилистым телом было тягаться с Феррисом и его грудой накачанных в тренажерном зале мышц. Феррис не ждал, что потребуется больше одного удара.

Но он ошибся. Их предыдущее знакомство сделало его слишком самоуверенным. Беспечным. У Ферриса не было оснований предполагать, что в этот раз все будет иначе. Крупный мужчина физически доминирует над мелким. Поэтому его удар был мощным, но медленным.

Скорость пришельца удивила бы Ферриса, если бы только ему хватило на это времени. Маленькие люди скроены для быстрых проворных движений, но ничто в их совместном прошлом не говорило, что тот способен реализовать свой потенциал. На этот раз, однако, он не колебался.

Едва Феррис успел шевельнуть рукой, как противник поднырнул под удар и выпростал собственную руку. У Ферриса не было времени подумать. Не было времени задаться вопросом. В руке пришельца возник длинный нож. Он умело нашел свой путь под подбородок Феррису.

Инерция от замаха не оставила шансов на сопротивление. Не успел Феррис моргнуть, как нож проник ему в мозг.

Пораженный Кевин Теннант не в силах был поверить своим глазам, когда увидел, что Феррис упал. Его старейший друг и самый опасный человек из всех, кого он когда-либо встречал, убит в мгновение ока. Без предупреждения. Без фанфар.

Мозг Теннанта отказывался признавать увиденное, пытался отрицать невозможное. Остальные, судя по всему, чувствовали то же самое: все трое застыли. Всего на мгновение, но этого мгновения у них не было.

Потому что пришелец не был шокирован. И двигался быстро. Второй нож возник в той же руке. Человечек вынул его одним молниеносным движением и в то же мгновение оказался рядом с Эллисом и Теннантом, миновав неподвижного Лича.

Лич упал первым. Убийца едва взглянул на него, когда нож чиркнул парня по горлу. Кровь ударила в стену на расстоянии двух метров, и сразу стало ясно, что во втором ударе нет необходимости. Так далеко кровь бьет только из сонной артерии.

Прошло меньше секунды.

Следующим на очереди был Эллис. Теннант стоял позади него. Их разделял всего метр, но убийца был ближе. На таком расстоянии у Эллиса не оставалось времени подумать, а значит, пропадало его единственное преимущество.

Если бы Эллис был прирожденным бойцом, он бы ни за что не потянулся за пушкой. Ему не хватало времени передернуть затвор и прицелиться: убийца находился слишком близко. Наилучшим вариантом было бы пустить в ход ноги и кулаки, а тут бы и Теннант подоспел. Двое против одного. Но инстинкты Эллиса не сообщили ему этого. Его разум сосредоточился на более очевидном решении: пистолет против ножа.

Теннант ничего не мог поделать: Эллис потянулся к кобуре как раз в тот момент, когда убийца его достиг. Не имея свободной руки, чтобы ударить или отразить удар, Эллис был абсолютно беспомощен, и второе лезвие глубоко вонзилось в его незащищенную грудь.

Прошло секунды две. Точно меньше, чем три.

Когда нож пронзил сердце Эллиса, сопротивляться он уже не мог. Повалился вперед. Убийца отстранился. Это позволило ему избежать столкновения с телом Эллиса, но также заставило остановиться.

Лицом к лицу с Кевином Теннантом.

Теннант возвышался над землей почти на два метра. В нем было больше ста килограммов. По сравнению с противником он выглядел настоящим медведем. Но Теннант преуспел в этом мире не только благодаря размеру. Чтобы победить в драке, нужно больше, чем просто

вес. Нужны навыки. Скорость. А главное – безжалостная готовность к насилию. У Теннанта всего этого было в достатке.

Но, как показали прошедшие секунды, и у его противника.

Никто из них не двигался. Между ними теперь было метра два. Тот, кто первым преодолет это расстояние, окажется в уязвимом положении. Откроется для ответного удара. Элемент внезапности уже не работает.

Теннант видел, на что способен его противник. Самоуверенность не погубит его, как Ферриса.

Краем глаза Теннант оглядел комнату. Пытаясь найти спасение. Рядом стояла одна из бронзовых статуэток, которые так нравились Феррису. Теннант помнил, что они тяжелые. По крайней мере, для большинства людей. Возможно, его размер и сила все-таки будут иметь значение.

Светлые глаза пришельца не покидали лица Теннанта. Они будто смотрели ему в самую душу. От этого взгляда Теннанту становилось неуютно. Даже страшно. Это было редким ощущением.

Теннант почувствовал, как его собственный взгляд метнулся в сторону. Обратно к статуэтке. Противник не мог этого не заметить. Нужно было действовать немедленно.

Для такого крупного человека Теннант был быстрым. Выпростав правую руку, он схватился за основание статуэтки, не успел его противник и шагу ступить. Запустил статуэтку в пришельца. Со всей силы. Тяжелая бронзовая штука пролетела разделяющие их два метра. За ней последовало тело Теннанта с огромными сжатыми кулаками.

План был прост. Статуэтка либо попадет в цель, либо хотя бы вынудит светлоглазого поднять руки, чтобы загордиться. В любом случае он окажется в невыгодном положении. На секунду станет уязвимым. Возможно, менее чем на секунду. Но Теннанту хватит этого времени, чтобы обрушиться на него всем своим весом. Простой план. Но он не сработал.

Незнакомец проследил за взглядом Теннанта. Видел, как тот посмотрел на статуэтку. В то же мгновение он понял, что Теннант собирается сделать, и успел подготовиться. Каким бы быстрым ни был Теннант, его противник был быстрее. Светлоглазый уклонился от просвистевшей мимо его головы статуэтки. Воспользовавшись силой инерции, он оказался с незащищенного правого бока от ринувшегося на него Теннанта.

Заметив движение, Теннант попытался достать противника правой рукой, но его слишком занесло вперед. Светлоглазый резко присел, поднырнув под руку Теннанта. Оказавшись внизу, он ножом, убившим Лича с Элвисом, полоснул его под правым коленом.

Теннант рухнул на пол. Тяжело. Он приземлился на руки, защищая от удара голову. И сразу же попытался подняться, понимая, что нельзя оставаться на полу. Пытаясь оттолкнуться от пола обеими руками, он осознал две вещи. Первое: у него сломано правое запястье. Об этом ему поведала прострелившая руку боль. Но он быстро забыл о боли. Ее вытеснила паника от следующей мысли.

Его раненая правая нога теперь была бесполезна. Мертвый груз.

Сквозь джинсы Теннанта начала проступать кровь. Ткань прилипла к коже, подтверждая худшее. Что бы ни стояло на кону, он не сможет подняться на ноги.

Бой был окончен.

Оставалось лишь выяснить, как он умрет.

Четырнадцать

Поднимаясь по ступенькам к двери, Майкл Девлин непроизвольно испустил глубокий вздох. День выдался длиннее, чем он ожидал. Гораздо длиннее. Весь вымотанный, он переступил порог, поставил сумку на колесиках к стене, стащил пиджак и повесил его на перила. Как непохоже это было на то бережное обращение, которое он демонстрировал утром!

По дороге на кухню он снял запонки, выпустил рубашку и расстегнул жилет, освобождаясь от оков своей скроенной по мерке рабочей одежды. Майкл любил свою профессию, но так и не проникся к сопутствующим ей костюмам.

Кухня была самой большой комнатой в доме, явно любимой всеми его обитателями. Это было неизбежно. Майкл обожал готовить, и они с Сарой оба обожали есть. Но даже когда не занимались ни тем ни другим, все равно оказывались на кухне, а не в гостиной.

Отец Сары установил здесь дизайнерский гарнитур от Клайва Кристиана и подарил им дом в честь помолвки – экстравагантный жест чудовищно богатого человека. Гарнитур стоил больше денег, чем Майкл заработал за свои первые два года барристером, но ни он, ни Сара никогда не подвергали сомнению его ценность. Кухня входила в список тех вещей, что напоминали Майклу, как сильно изменилась его жизнь.

Поэтому Майкл удивился, обнаружив ее пустой. Но сразу все понял, когда увидел открытую дверь в дальнем углу. Дверь вела наружу, на каменную лесенку, которая, извиваясь, спускалась в маленький мощеный дворик. За ним в окружении цветочных клумб лежала ухоженная лужайка.

Майкл направился к двери, делая крюк, чтобы захватить из холодильника в кладовой бутылку «Короны». По пути открыл крышку. Сделал долгий глоток.

Зрелище, открывшееся его глазам, когда он вышел на лестницу, было в точности таким, как он и ожидал. За длинным металлическим столом сидели Сара и Энн Флаэрти, каждая – с бокалом вина. Бокал Сары был наполовину полон. В бокале Энн оставалось меньше. Перед ней стояла пустая бутылка, а рядом – ведро со льдом.

Обе заметили Майкла одновременно.

– Мне нужно спрашивать? – сказал он в ответ на их приветственные улыбки, кивая на пустую бутылку.

– Если настаиваешь, Майки, – ответила Энн. Ее голос был полон нежности. Она всегда разговаривала с ним таким тоном.

Майкл улыбнулся ей в ответ, прежде чем зайти обратно на кухню за следующей бутылкой. И минуты не прошло, как он вышел оттуда, спустился по лесенке и заново наполнил бокал Энн. Потом слегка подлил Саре, опустил бутылку в ведро и сел между ними.

– Завтра опять собираешься бросить?

Майкл имел в виду сигарету в руке Сары. Произнося эти слова, он улыбнулся, давая понять, что спрашивает не всерьез.

– Оставь девчонку в покое, Майки. – Энн не заметила игривости в его тоне. Ему не нужно было объяснять почему. Она явно оприходовала большую часть первой бутылки. – Она много работает. Нужно же ей отдохнуть.

– Она так расслабляется, только когда с тобой, – ответил Майкл. – Ты оказываешь плохое влияние, Энн Флаэрти.

На этот раз тон Майкла не оставлял сомнений. Он просто дразнил невесту и свою давнюю подругу. Возможность проявить легкомыслие принесла ему облегчение.

– Так как прошел твой день, Майки?

– Выматывающе и напряженно, – ответил Майкл. Он заметил, что его североирландский акцент звучит более отчетливо, как это часто случалось с ним в обществе Энн. – Все немного не в себе после убийства Филиппа Лонгмана.

– Того судьи, о котором рассказала мне Сара?

– Да. Он был важным человеком в судебной системе. Очень важным. Весь Темпл перестал работать, когда дошли новости.

– Как Дерек? – спросила Сара. – Ты с ним разговаривал?

– Да. Держится. Он сейчас с сыном Лонгмана. Помогает ему все это пережить. Честно говоря, я думаю, он специально пытается чем-нибудь себя занять, чтобы совсем не расклеиться.

– Так Дерек его знал? – спросила Энн.

– О да, – ответил Майкл. – Лонгман был его наставником. Как Дерек – моим. Зная Дерек, сомневаюсь, что он мог потерять человека ближе.

– Боже. Бедняга.

Энн прикурила еще одну сигарету и сделала глоток вина. Майкл видел сочувствие в ее глазах. Если кто и мог понять, каково сейчас Дереку, то это Энн Флаэрти.

– Ты собираешься с ним увидеться? – спросила Сара.

– Завтра. Утром нужно встретится с младшим барристером по моему делу. Потом поеду к Дереку и проверю, как он.

– Передашь ему наши соболезнования? – участливо попросила Сара. – И скажи, что мы всегда готовы его поддержать, хорошо?

– Уже сказал, солнце. – Майкл потянулся через стол и сжал руку Сары, благодарный за ее искреннюю заботу о его друге. – Но сейчас мы ничего не можем для него сделать. Пока что это Дерек оказывает поддержку сыновьям Лонгмана. Но рано или поздно ему понадобится дружеское плечо, и мы будем рядом.

Какое-то время никто ничего не говорил. Все мысли были устремлены к Дереку Риду. Майкл сделал долгий глоток лагеря. Энн – вина. Сара затушила сигарету и слегка пригубила из своего бокала.

Наконец она заговорила:

– Я не стала говорить Дереку, но судя по тому, что мне удалось узнать, Лонгмана убили каким-то очень нехорошим способом.

– Что тебе сообщили в полиции?

– Ничего. Но ты знаешь, как это работает. Если бы это было обычное убийство, то они сразу дали бы нам знать, неофициально, и неважно, кто жертва. Но пока что они ничего не сообщают. Вообще. В девяноста девяти случаях из ста это означает нехорошую смерть. Добавь команду, которая ведет расследование, и все становится очевидно.

– Что за команда? – спросил Майкл. – Кто во главе?

– Джоэль Леви. Группа номер один Скотленд-Ярда по расследованию особо важных преступлений.

– Значит, они отнеслись к делу серьезно.

– Ты знаешь эту группу?

– Я знаю Леви. Допрашивал ее, когда она выступала свидетелем на суде. – За годы работы Майклу приходилось вести довольно громкие дела. Поэтому он встречал большинство высших полицейских чинов Лондона. – Она хороша. Серьезный противник.

– Мне она показалась довольно разумной, – заметила Сара. – Не из тех копов, которые отказываются сотрудничать.

– Просто постарайся оставаться у нее на хорошем счету, – посоветовал Майкл. – Лучше не вызывать ее гнев.

Сара кивнула.

– Буду паинькой.

Произнося это, она сжала руку Майкла. Не было необходимости говорить что-то еще.

Между ними повисла уютная тишина. Майкл хлебнул пива и откинулся на стуле, наслаждаясь внезапно подувшим теплым ветерком. Сара сделала то же самое, и отпитый ею маленький глоток был тут же восполнен гораздо большим количеством вина из бутылки в руке Энн. Все, что осталось, она вылила себе в опустевший бокал, а потом поднялась и направилась к кухне.

– Время для еще одной, – бросила Энн через плечо, поднимаясь по лестнке.

– Сколько она выпила? – спросил Майкл, понизив голос.

– Это будет третья бутылка, – ответила Сара. – И ей досталась большая часть.

Майкл покачал головой.

«Уже на одну больше, чем следовало бы».

То, что Энн слишком много пьет, заботило его несколько месяцев. Может, и дольше. Но Майкл не мог заставить себя поговорить с ней об этом. Он пытался обосновать свое нежелание, убеждая себя, что все не так плохо. Что Энн вольна распоряжаться своей жизнью, как ей угодно. Но в глубине души он знал причину. Майкл не говорил Энн, что она слишком много пьет, поскольку думал, что это его вина.

Энн была невесткой Майкла, но не на бумаге. Они с его братом Лиамом начали встречаться, когда были еще подростками, и она, в отличие от Майкла, Лиаму не бросала. Она все еще была с ним, когда Майкл вернулся два десятилетия спустя, спасаясь бегством от киллера, охотившегося за ним и Сарой.

Майкл принес опасность в жизнь Энн и Лиамы. Опасность, которая привела Лиаму к гибели, а Энн сделала пустой оболочкой по сравнению с тем, что было прежде.

Майкл что угодно отдал бы, чтобы повернуть время вспять. Чтобы не дать брату погибнуть. Это было невозможно. Но он мог позаботиться о сломленной «вдове» брата, что он и сделал.

– Как она держалась до того, как я пришел? – спросил Майкл.

– Как всегда, делала вид, что все хорошо, – ответила Сара. – Хотя по ней видно было, что она плакала до того, как я вернулась.

– И пила?

– Вроде нет, – ответила Сара. – Но ей гораздо больше нужно выпить, чем мне, чтобы опьянеть, поэтому все может быть.

– Слушай, мне правда очень жаль. – Майкл не в первый раз извинялся за то, что навязал Саре заботу об Энн. Одно чувство вины вело к другому. – Это не навсегда. Обещаю. Энн станет лучше, и тогда мы подыщем ей собственное жилье. Не то чтобы ей это было не по карману.

– Майкл, сколько раз мне тебе повторять? Ты не навязывал мне Энн. Я сама пришла к Лиаму. И Лиам защищал не только тебя. Боже, да если бы не я, вы бы не оказались в том доме! Я так же несу ответственность перед Энн, как и ты. И к тому же она теперь член семьи. Она может оставаться у нас столько, сколько захочет, но при одном условии.

– Что мы поможем ей взять себя в руки. – Майкл уже слышал условие.

– Да, поможем взять себя в руки. Своим потаканием мы только вредим. Но пока мы ей помогаем, она может считать этот дом своим до тех пор, как ей станет лучше.

Майкл потянулся и снова сжал руку Сары. Еще крепче.

– Сара Труман, ты само совершенство.

– Не бывает совершенства, Майкл Девлин, – ответила Сара, улыбаясь во весь рот. – Но да, я близка.

– Не хватает только скромности? – засмеялся Майкл.

– Только этого!

– Что вас так развеселило?

Все еще смеясь, Майкл с Сарой подняли глаза и увидели, что Энн спускается по лесенке с новой бутылкой вина.

Майкл поднялся с места и пошел ей навстречу.

– Смена планов. – Постаравшись, чтобы голос звучал беззаботно, он протянул руку и взял у нее бутылку. – На сегодня хватит бухать. Я веду своих девочек куда-нибудь поесть.

– Я не голодна, Майки, – запротестовала Энн. – Давай останемся в саду, тут так хорошо.

– Меня это не волнует, – ответил Майкл. – После того, какой день мне выдался, я умираю от голода, и я терпеть не могу есть в одиночку. Так что собирайся. Выходим в десять.

Пятнадцать

Адам Блант и не пытался подавить улыбку, когда новости закончились.

Он смотрел один и тот же репортаж уже четвертый раз.

Поначалу он был потрясен, услышав известие. Но стал смотреть повторно уже удовольствия ради. И это развлечение ему все никак не надоедало.

«Я мог бы слушать весь день напролет», – усмехнулся он про себя.

Блант ненавидел Филиппа Лонгмана почти двадцать пять лет, хотя познакомились они за годы до того. В самом начале судейской карьеры Лонгмана. Когда тот еще был восходящей звездой правового мира. Блант знал об этом задолго до того, как встретил Лонгмана вживую. Чего он не знал, так это того, что Лонгман еще и чопорный ханжа, обожающий читать нравоучения. По крайней мере, таким Блант его помнил. Правда это или нет, они, бесспорно, питали друг к другу сильнейшую неприязнь.

Каждый раз, как Блант появлялся в суде Лонгмана, он подвергался критике. И эта критика ранила. Не эмоционально – Бланту насрать было, что Лонгман о нем думает, – но профессионально. Постоянные нападки со стороны столь уважаемого судьи не могли не нанести ущерб. Однако Блант не сломался. Избитый и окровавленный, он стойко переносил их. До самого последнего процесса, во время которого Лонгман зашел дальше, чем обычно, и разрушил первую карьеру Бланта.

Блант так и не смог это забыть. И никогда не простит.

В последующие годы их пути пересекались лишь изредка. Как солиситор Блант так и не поднялся выше жалоб клиентов, пострадавших от несчастного случая, поэтому ему нечасто выпадало достаточно серьезное дело, чтобы предстать перед судьей такого масштаба, как Лонгман. Тем более что статус того неуклонно рос. Однако Бланту все равно то и дело приходилось бывать в суде Лонгмана.

И каждый раз, как он там оказывался, к нему возвращались воспоминания. С каждым разом он ненавидел судью все сильнее. Потому-то он и ухмылялся сейчас про себя, с мрачным удовлетворением слушая репортаж об убийстве Лонгмана.

«Надеюсь, старый хрен мучился», – подумал он, должно быть, в сотый раз за день.

Но радость была недолгой: уже через минуту ее прогнала знакомая колющая боль в животе. Она отвлекла Бланта от наслаждения новостью, как отвлекала от всего остального. Боль была непостоянной. Иногда она стихала. Иногда лекарства действовали. Но чаще всего она была с ним, в равной степени издеваясь и парализуя.

Стиснув зубы, он постарался, насколько это возможно, забыть о боли. Он не позволит ей разрушить этот момент. Ему так мало осталось. По крайней мере, сегодня он будет веселиться.

Диагноз поставили год назад. Рак кишечника. Врачи давали в лучшем случае полгода. Но вот прошло уже двенадцать месяцев, а он еще здесь. Живой и бодрый. Ну по крайней мере живой. Что-то не давало Бланту уйти. Не семья, которой у него не было. Не друзья, которых у него было не больше. И уж точно не надежды на будущее: Блант продал свою юридическую контору еще до болезни, вышел на пенсию и в одиночестве поселился на побережье в Саффолке. Какое будущее могло его ожидать?

Нет. Жизнь в Бланте поддерживало что-то другое. Это был Бог, понял он теперь. Бог – или какая-то другая высшая сила – удержал его на земле, чтобы Блант успел узнать об убийстве Лонгмана.

Он посмотрел на стену. Висящие на ней часы показывали три часа ночи. Блант больше не поддерживал режим. Просто засыпал, когда действовали лекарства. Все равно где. Последние несколько месяцев он чаще спал в кресле, чем в кровати. Так было легче. Слишком много усилий требовалось для того, чтобы встать.

Однако лекарства не контролировали мочеиспускание. Кишечник Бланта восстал против него. Медленно убивал. Но сейчас более насущную проблему представлял мочевой пузырь.

Блант поднялся на ноги. Медленно. С болью. Закрытая дверь гостиной находилась от него примерно метрах в трех. Блант мог преодолеть это расстояние, но дальше возникали трудности.

Он немного подождал, чтобы восстановить дыхание. Уже просто встать с кресла становилось гораздо сложнее, осознал он. Начало конца.

«И все же я сделал Лонгмана».

Первые шаги должны были быть твердыми. Любая запинка могла привести к фатальным последствиям. Блант знал это, поэтому подождал еще несколько секунд, прежде чем двинуться с места. Сначала правая нога. Медленно, но все же не слишком – чтобы дать телу толчок. Шаг. Второй. Третий. С каждым шагом дверь становилась ближе. Четвертый. Пятый. Шестой. Еще ближе. Седьмой. Восьмой. Девятый. Дверь уже была в пределах досягаемости. Блант протянул ладонь, проходя последние два шага. Схватился за ручку и оперся о дверь плечом. Чтобы та приняла на себя его вес, прежде чем он упадет.

Его дыхание участилось. Одиннадцать шагов истощили его энергию.

«Одиннадцать гребаных шагов».

Эта мысль его разозлила. Как до такого дошло? Как получилось, что он доживает свои дни одиноким калеккой? И только мысль о судьбе Лонгмана удержала его от приступа отчаяния.

Потребовалась минута, чтобы Блант восстановил достаточно энергии и мог продолжить путь. Он надеялся, что у него получится преодолеть еще четыре шага до туалета по ту сторону закрытой двери.

Должно получиться. Мочевой пузырь ждать не будет.

Он крепко сжал ручку и с усилием потянул дверь.

Но то, что предстало перед ним за дверью, заставило его позабыть обо всем.

– Ясно, – произнес Блант почти про себя, встретившись взглядом с самыми светлыми глазами, какие ему доводилось видеть. Глазами из далекого прошлого. Их появление почти принесло облегчение.

По его лицу поползла улыбка, когда он издал свои последние слова:

– Ну это все объясняет.

Шестнадцать

Леви взглянула на наручные часы, закончив накрывать стол к завтраку.

«Все еще успеваю, но едва».

– Ричард, еда на столе! – позвала она, слегка повысив голос. Дом был небольшим. Всего две спальни и ванная на втором этаже. Не требовалось орать, чтобы быть услышанным.

Сразу вслед за этим с лестницы донеслись торопливые шаги, и мгновение спустя на кухню влетел ее десятилетний сын Ричард. Заняв место за маленьким столом, он с энтузиазмом приступил к трапезе.

Они ели в тишине. Леви привила Ричарду хорошие манеры, и это означало, что он не разговаривал с полным ртом. Еще она научила его тому, как важно есть, когда выдается возможность: никогда не знаешь, когда наступит следующий раз. Этот урок Леви усвоила в израильской армии. Таким образом, завтрак – как и любой другой прием пищи – был в первую очередь вещью практической.

– Ты вчера поздно вернулась, мам, – сказал Ричард, после того, как наконец доел. – Я проснулся, когда ты пришла.

– Знаю, Ричард. Прости.

Для Леви не было ничего необычного в том, чтобы задержаться на работе и вернуться домой уже после того, как сын лег спать. Но частота не уменьшала чувство вины.

– Вчера был очень длинный день.

– Что случилось?

– Тебе правда лучше не знать, Ричард.

Леви привыкла к расспросам сына. Он был умным мальчиком, хорошо образованным и рассудительным. Иногда она рассказывала ему о том, что происходит на работе, – только в общих чертах и сильно отредактировав, – но не сегодня.

– Это было нехорошее дело.

Ричард кивнул. Несмотря на юный возраст, он видел, когда мать не хочет отвечать, и понимал, что с ее работой лучше на нее не давить.

– Ты сегодня снова вернешься поздно, мам?

– Надеюсь, что нет. – Леви не собиралась давать обещание, которое не сможет сдержать. – То есть думаю, что нет. Но после вчерашнего нельзя знать наверняка. Не волнуйся, я позабочусь, чтобы Клэр присмотрела за тобой, если я застряну.

Клэр Гордон была соседской девочкой, привыкшей к тому, что Леви в последнюю минуту требовались ее услуги. За годы сидения с Ричардом ей отошла большая доля зарплаты Леви.

«А значит, придется идти на новые траты, – подумала она. – Ко всему прочему».

Леви забеременела в двадцать восемь, когда провела в полиции не более двух лет. Это получилось случайно, она не знала отца ребенка. Леви нельзя было обвинить в беспорядочных половых связях, наоборот, она могла пересчитать своих сексуальных партнеров по пальцам одной руки. Всего один раз в жизни она переспала с мужчиной, которого не могла назвать бойфрендом. В результате появился Ричард.

Следующие одиннадцать лет она превращала случайность в благословение. И это действительно было благословением во всем, кроме одного – денег.

Преисполненная желанием дать Ричарду наилучшую жизнь, какую только возможно, Леви много работала, добиваясь повышения. Получив его, она использовала возросшую зарплату, чтобы найти дом в хорошем районе, рядом с лучшими школами. Но на зарплату главного инспектора немного можно было позволить себе в таких районах, как Хайгейт, поэтому Леви пришлось остановить свой выбор на маленьком доме. В нем едва хватало места им двоим, но зато местоположение было наилучшим для будущего ее сына.

– Мам, ты отвезешь меня сегодня в школу? – нарушил повисшую тишину вопрос Ричарда.

Леви посмотрела на часы. Восемь утра.

– Да, конечно. – С этими словами она протянула руку и потрепала сына по голове. Только что ее мысли снова вернулись к Филиппу Лонгману. Один взгляд на лицо Ричарда прогнал их. – Но нам придется выехать пораньше, хорошо?

– Хорошо.

Ричард широко улыбнулся. Леви знала, как радуется он возможности провести с ней время, и была счастлива оттого, что они сохранили эту близость. Она только желала, чтобы ей не так часто приходилось его разочаровывать.

– Пойду соберу рюкзак.

Он произнес эти слова, уже выскакивая из-за стола, почти с физически ощутимым энтузиазмом. Леви посмотрела ему вслед. Как только он выбежал из комнаты, она допила кофе и стала собирать ему обед, зная, что он не долго заставит ждать своего возвращения.

Она почти закончила, когда ее отвлекла мелодия звонка, приглушенно доносящаяся из кармана куртки.

Достав мобильник, Леви посмотрела, кто звонит, – Стивен Хейл. В восемь утра он явно звонил не по личному вопросу.

– Стив. Что случилось?

– Убийство членов одной ОПГ, Джо. Нехорошее. – Вне рабочей обстановки Хейл опускал формальности и обращался к ней просто по имени. На службе он никогда не забывал, что она старше по званию, но после стольких лет совместной работы они сблизились. Их род занятий не оставлял много времени на общение с людьми, поэтому у Леви было мало друзей. Хейл входил в их число.

– Где?

– В Брикстоне.

– Почему вызывают нас? Разве это не работа для «Трезубца»?

– «Трезубец» тоже вызвали, – ответил Хейл. – Но Скотленд-Ярд хочет, чтобы мы расследовали это дело вместе.

Его слова вызвали у Леви вздох.

«Трезубец». Очередная проблема».

– Ясно, – наконец сказала Леви. – Я буду там примерно через час. Только отвезу сначала Ричарда. Пришли мне адрес.

«Вчера – распятие, сегодня – бандитские разборки, – подумала она, отключаясь. – Что за неделя!»

Леви опустила взгляд на контейнер с обедом Ричарда. В ответ на нее смотрели киношные супергерои. Мстители. Фантастический мир, где добро всегда побеждает зло.

Она надела куртку, взяла контейнер и подошла к лестнице.

– Поторапливайся, Ричард! – позвала она. – Пора ехать.

Семнадцать

Майкл должен был встретиться с Дженни Дрейпер в девять утра. В качестве места встречи он выбрал «Старбакс» на улице Хай-Холборн. На углу с Чансери-лейн. Рядом, в Грейс-Инн, находилась контора Дрейпер. Буквально в двух шагах. Это было одной из причин, по которой Майкл выбрал это место. Когда дело ведут два барристера, старший и младший, между ними существует четкая иерархия. Такая разница в статусе не способствует быстрому сближению. Поэтому Майкл решил, что, если встреча будет происходить на территории Дрейпер, это придаст ей уверенности.

Он появился за пятнадцать минут до назначенного времени: ему нравилось приходить заранее и наблюдать за прибытием собеседника. Майкл отхлебнул из большой кружки черный кофе – «Венти Роаст», так назывался он в меню, – и посмотрел на часы на запястье. 8:58.

Зал кофейни был узкий, но длинный, тянулся через все здание. Полон столиков разных размеров, диванчиков и одиночных кресел. В самом конце зала находился большой квадратный стол, за который можно было бы уместить четверых. Его и выбрал Майкл.

Расположившись за столом, он стал смотреть через панорамное окно на улицу. Оно выходило как раз на тротуар, ведущий к Грейс-Инн.

8:59.

Внимание Майкла привлекло движение на тротуаре. Дорога была людная, но, подняв взгляд, он заметил, что один пешеход выделяется из толпы. Высокая женщина лет под тридцать или чуть больше тридцати, с длинными, аккуратно заколотыми светлыми волосами, она целенаправленно шла ко входу в кафе.

Дженни Дрейпер.

Ровно 9:00.

С точностью до минуты. По крайней мере, если верить часам Майкла.

Дрейпер вошла в кофейню и зашагала к Майклу. Рид был прав. Очень привлекательная женщина. Стройная, с бледной кожей и орлиным носом, одета в сшитый на заказ серый костюм, идеально на ней сидевший. В этом она абсолютно отличалась от Майкла. Майкл надевал костюм, только когда шел в суд. В джинсах и футболке, он казался скорее ее клиентом, чем коллегой.

– Майкл.

У нее был акцент выпускницы престижной школы. Которая с рождения пользуется привилегиями и не ставит под сомнение свое место в мире. Та же уверенность сквозила и в ее тоне. Дрейпер не спрашивала, он ли это, а использовала его имя в качестве приветствия.

Она протянула правую руку.

– Дженни, – Майкл ответил тем же тоном, взял ее за руку и легонько пожал. – Приятно наконец познакомиться.

– И мне. Я в восторге от перспективы работать с вами.

Майкл не знал, что на это отвечать, поэтому лишь улыбнулся и жестом пригласил ее садиться.

– Что вам взять? – спросил он, все еще стоя.

– Эспresso маккиато.

– А из еды?

– Можно я побуду плохой девочкой и закажу шоколадный маффин? Мне нужна доза сахара.

– Что угодно, если это поможет подзарядиться, – пошутил Майкл.

Подойдя обратно к стойке, он сделал заказ. Когда тот был готов, он вернулся с подносом к столу.

Пока Майкл ходил, Дрейпер расположилась поудобнее. Теперь на столе перед ней лежала папка А4. Рядом – тонкий ноутбук. Рядом с ним – «Айпад». А рядом с «Айпадом» – «Айфон». Майкла удивило, что кому-то могли понадобиться все три гаджета сразу. Но об этом лучше поговорить в другой раз.

– Я смотрю, вы подготовились.

– Не хотелось произвести плохое впечатление при первой же встрече, – кокетливо улыбнулась Дрейпер. – К тому же я подумала, что вы захотите сразу приступить к делу.

– Это правда – ответил Майкл. – У нас не так много времени.

– Не волнуйтесь, мы быстро вас подготовим.

– Надеюсь на то. – Майкл сел, подавшись вперед и сжав руки между коленями. – Теперь расскажите, что думаете о Саймоне Кэше вы?

Следующий час Майкл и Дрейпер обсуждали различные аспекты дела. Обвинение. Личность Кэша. Все, что произошло с делом до сего момента, включая замену Дерека Рида.

Дрейпер согласилась, что Рид прекрасно справился бы со своей задачей. Но тут же сообщила, как она счастлива, что дело в итоге поручили Майклу. Какая это честь для нее работать со столь блестящим молодым королевским адвокатом.

Майкл не обратил на эту лесть внимания. Возможно, она говорила искренне, но барристеры привыкли массировать друг друга эго, тогда как за глаза говорили совсем другое. К тому же он помнил предостережение Рида.

– То есть вы считаете, что Кэш виновен? – спросил Майкл.

Разговор прошел по кругу и вернулся к ответу Дрейпер на первоначальный вопрос Майкла.

– Я этого не говорила, – ответила Дрейпер. – Я всего лишь не убеждена, что он невиновен. В отличие от Дерека. И Росса.

– Сколько вам лет, Дженни?

– Тридцать один. А что?

– И сколько вы прослужили в адвокатской конторе?

– Восемь лет. Девять, если считать ученичество. Опять же, к чему этот вопрос?

Дрейпер, несомненно, была уверена в себе. Возможно, даже чересчур. Это не беспокоило Майкла. В их профессии вера в собственные силы была необходимым качеством.

– Просто необычно, что столь молодой и неопытный адвокат открыто выражает несогласие с Дерексом Ридом и Эндрю Россом.

Произнося эти слова, Майкл сообразил, что их можно истолковать неверно. Он продолжил:

– Я хочу сказать, это здорово. Большинство людей в вашем положении просто согласились бы с мнением старших. Особенно если старшим выступает Дерек.

– Спасибо.

Майкл видел, что комплимент ей приятен.

– То есть вы согласны со мной? – спросила Дрейпер. – В том, что они могут ошибаться насчет Кэша.

– Нет, несколько. – Реакция Дрейпер на его ответ рассмешила Майкла. Девушка заметно сдулась. – Кэш произвел на меня в точности такое же впечатление, как на Дерека. Я считаю, мальчишка не совершал ничего из того, что ему вменяют. Я просто не верю в это. Но хорошо, что вы относитесь к нему скептически. Кто-то из нас должен. Держите глаза открытыми и голову ясной, пока я отправляюсь в крестовый поход.

Дрейпер не ответила, что не удивило Майкла. Вряд ли за свои восемь лет службы она встречала королевского адвоката, который был бы доволен тем, что младший по званию поста-

вил под вопрос его заключение. Многие барристеры в позиции Майкла расценили бы такое несогласие как оскорбление. Как вызов их превосходству.

Эго, насколько было известно Майклу, решало все.

Он смотрел, как Дрейпер обдумывает его слова. Если у нее действительно такой острый ум, как утверждает ее репутация, она поймет преимущество команды, в которой вера сочетается со здоровым скептицизмом. Пусть это и необычный подход, но в такой команде будут учитываться все точки зрения.

– То есть вы хотите, чтобы я не соглашалась с вами? – спросила Дрейпер. – Вы хотите, чтобы я сомневалась во всем, что говорит наш клиент?

– Мне нужно, чтобы вы сомневались, – ответил Майкл. – Я поверил в этого мальчика, Дженни. И чем дольше читаю доказательства, тем больше убеждаюсь в его невиновности. Но вера создает слепые зоны. Если вы останетесь при своем мнении, это поможет нам их избежать.

Дрейпер откинулась на стуле, и по ее лицу поползла улыбка. Майкл видел, что она разглядела преимущество его подхода.

«Может, ее репутация все-таки заслуженна, – подумал Майкл. – Посмотрим».

– Так что вы думаете о показаниях Терри Колливера? – спросил он ни с того ни с сего. Он уже решил, что дискредитация этого свидетеля будет их лучшей стратегией. И теперь хотел знать, пришла ли Дрейпер к такому же выводу.

– Думаю, он слабое звено в обвинении, – ответила Дрейпер. – По крайней мере, с точки зрения присяжных.

– Почему?

– Потому что у него есть причина врать. Его арестовали за убийство. Показания телефонных вышек служат доказательством, что он был если и не на самом месте преступления, то рядом. Его собирались судить за убийство, но тут вдруг он сдает О’Дрисколла с Кэшем. Взамен на переквалификацию обвинения на гораздо менее серьезное.

– Верно, – кивнул Майкл, довольный ответом. Она заметила главную слабость свидетеля, но пропустила другую. – Почему в полиции приняли его слова на веру? – спросил он. – Почему просто поменяли его на О’Дрисколла с Кэшем?

– Потому что они знали, что О’Дрисколл замешан, – ответила Дрейпер. – Но не могли его обвинить, потому что у них не было приемлемых для суда доказательств. Показания Колливера дали им такое доказательство.

– Но зачем называть и Кэша? – подсказал Майкл Дрейпер. – Почему не сдать одного О’Дрисколла?

– Потому что Колливер говорит правду?

«Слишком очевидно, – подумал Майкл. – Здесь она промахнулась».

– Почему вы так думаете? – спросил он.

– Это объясняет, почему косвенные улики против Кэша кажутся такими убедительными. Полиция даже не подозревала его, до того как Колливер сделал свое заявление. Не было никаких причин его называть, если только он действительно не виновен.

– Уверены?

– По вашему тону я догадываюсь, что не должна бы, – улыбнулась Дрейпер. – Что вы сами думаете?

– Я думаю, что О’Дрисколл был не один, когда убивал Голлоуэев. Никто бы не смог в одиночку убить обоих. Особенно учитывая то, как их убили. Это была работа для двоих. Минимум.

– В таком случае разве это не еще одно доказательство против Кэша? Ведь именно это и утверждает Колливер.

– Это доказательство против кого-то, Дженни. Кого угодно. Все, о чем оно говорит, так это о том, что убийц было несколько. О’Дрисколл и кто-то еще. Колливеру это известно. Особенно если Колливер и был вторым убийцей.

Дрейпер подалась вперед. По ней видно было, что она обдумывает теорию Майкла.

– То есть вы думаете, что Колливеру пришлось назвать кого-то еще? Что он говорит правду насчет О’Дрисколла, но Кэша приплел только для того, чтобы подставить его вместо себя?

– В яблочко.

На Майкла произвело изрядное впечатление то, как четко Дрейпер изложила суть его мысли. Прирожденный адвокат. Ее слова прозвучали так, будто она почти с ним согласна.

– Пища для размышлений, – сказала Дрейпер, снова откидываясь. Она не до конца приняла новую теорию Майкла. Что само по себе было хорошо. Дрейпер продолжила: – Но, конечно, в таком случае наша лучшая стратегия – доказать, что второй обвиняемый лжец и убийца. А также выставить лжецом и убийцей главного свидетеля.

– Я и не говорил, что будет просто. – Майкл не мог не заметить насмешку в словах Дрейпер. Черт, да он и сам готов был посмеяться. – Зато может быть забавно.

– Забавно посмотреть, это уж точно, – ответила Дрейпер. – Теперь я рада, что не мне придется выступать в зале суда.

– Спасибо за оказанное доверие. Но в этом плане есть одна маленькая загвоздка.

– Какая?

– Кэш.

– А что с ним?

– То, что он отказывается и слово сказать против О’Дрисколла. А мы не можем ничего сказать или сделать без его согласия.

– То есть мы не можем обвинить О’Дрисколла? А значит, мы не можем сказать, что Колливер говорит правду насчет него, но врет насчет Кэша. Чтобы скрыть свое собственное участие или по какой-то другой причине. Разве это не подрывает тактику, которой, по вашему мнению, мы должны воспользоваться?

– Можно сказать, что подрывает. Но точнее было бы сказать, что полностью рушит ее. – Майкл все еще улыбался. – Если только Кэш не передумает.

– А он может?

– Я думаю, что вероятность высока. И здесь вступаете вы, Дженни. Я хочу, чтобы вы поработали над ним. Каждый день, пока длится процесс. Пока он не даст нам разрешение напасть и на Колливера, и на О’Дрисколла.

– Вы хотите, чтобы я повлияла на клиента? – потрясенно спросила Дрейпер. Майкл не сомневался, что и это для нее в новинку. – Хотите, чтобы я заставила его изменить инструкции?

– Я лишь хочу, чтобы он сказал правду, Дженни. Этот мальчик – сам себе злейший враг. Он слишком молод и наивен, чтобы уберечься от пожизненного заключения, поэтому наша задача – защитить его от самого себя. И если для этого вам придется подтолкнуть его в правильном направлении, то я не против.

Восемнадцать

Джоэль Леви нетерпеливо похлопала по рулю. Машины, ехавшие по Брикстон-роуд в южном направлении, двигались не быстрее пешеходов. А может, и медленнее. Так продолжалось последние пятнадцать минут пути.

«Наверное, люди гадают, что вызвало пробку», – подумала Леви, глядя на ползущие впереди машины.

Они, может, и гадали, но она-то знала наверняка.

Находившееся где-то впереди, пока еще вне зоны видимости, полицейское ограждение делало то же, что и всегда, – вынуждало людей замедлиться. Чтобы посмотреть, что происходит. Естественная человеческая реакция. Пробка была лишь побочным эффектом.

Место, куда направлялась Леви, находилось недалеко, прямо на пересечении Брикстон-роуд и Электрик-авеню. Не более чем в полукилометре от нее. На преодоление этого расстояния ушло еще десять минут. Гораздо дольше, чем требовалось обычно, несмотря на то что движение в Брикстоне всегда было медленным.

Наконец Леви повернула налево, на Электрик-авеню, за полицейский кордон. Ей не пришлось даже показывать удостоверение, чтобы ленту, преграждающую дорогу, подняли: ближайший полицейский сразу узнал ее. Едва оказавшись по ту сторону ленты, она припарковалась у обочины, вышла из машины и осмотрелась.

Электрик-авеню, названная так потому, что на ней впервые в Лондоне появились электрические фонари, была торговой улицей с магазинами и рынком. Мелкие магазинчики располагались на первом этаже одинаковых трехэтажных домов, объединенных общей стеной. Эти дома тянулись по обеим сторонам длинной извилистой улицы. Отсутствие каких бы то ни было зазоров между домами было необычным: казалось, вся улица состоит из двух монолитных блоков.

В любой другой день к постоянным магазинам добавились бы рыночные палатки, бегущие по всей длине улицы. Но сегодня их было не видно. Электрик-авеню была перекрыта, ее торговцы стали еще одной жертвой преступления, которое привело сюда Леви.

– Они в том здании, мэм.

Ее размышления прервал голос полицейского, чьего имени Леви не помнила. Словно по щелчку переключателя ее внимание сосредоточилось на деле.

– Когда установили ограждение? – спросила она, мысленно отмечая номер дома, на который указал полицейский. В этом не было необходимости. Все остальные дома на улице были закрыты.

– Примерно два часа назад, мэм. Вскоре после того, как обнаружили тела.

– И во сколько это было? В 7 утра? В 7:30?

– Примерно так, мэм, да.

– Значит, рынок уже открылся? – Леви показала на опустевшую дорогу.

– Да, мэм. Мы попросили продавцов убрать палатки, чтобы установить ограждение.

– Что насчет жертв? Когда предположительно они были убиты? Сегодня утром или вчера вечером?

– Точно вчера вечером, мэм. Здесь никаких сомнений.

Мгновение Леви размышляла над ответом, глядя на длинную пустую улицу.

– Сократите площадь перекрытой территории, – наконец сказала она. – Установите ограждение в радиусе двадцати метров от входа в здание.

– Мэм? – В голосе полицейского послышалось замешательство. – Но ведь криминалисты еще не осмотрели улицу.

– И не будут осматривать. – Леви не обязана была объясняться, но не видела ничего плохого в том, чтобы просветить коллегу, который однажды, возможно, сам станет инспектором. – Это одна из самых оживленных улиц в районе, и ее перекрыли только утром, спустя десять часов после преступления, когда рынок уже открылся. Если на ней и оставались какие-то улики, то они давно пропали. Их затоптали за ночь и утро. Все, чего мы добьемся, перекрыв улицу, – это навредим местной торговле. Людям, которые могли бы рассказать нам все, что видели и слышали.

Полицейский кивнул, показывая, что понимает.

– Двадцать метров, мэ. Будет сделано.

– Спасибо.

Полицейский отправился исполнять поручение. Леви окликнула его:

– И позаботьтесь, чтобы владельцы магазинов и палаток за пределами ограждения знали, что могут открыться.

Леви повернулась к открытой двери. На первом этаже здания располагался современный ломбард. Из тех, что принимают электронику и другие ценные предметы, не ожидая снова увидеть их владельца. Нисколько не сомневаясь, что имущество было украдено.

«Заведение, где происходит оборот наличности, – подумала Леви. – Полезное место для преступной группировки».

Сама дверь была ничем не примечательна, если не обращать внимания на снующих через нее полицейских. Когда она приблизилась, они остановились. Несколько из них посторонились, чтобы дать ей пройти.

Леви вошла внутрь и стала подниматься по лестнице. Подъем был быстрым. Всего один пролет. На лестничную площадку выходили две двери, затем начинался следующий подъем.

Одна из дверей вела в туалет. Вторая была широко открыта, и обстановка находившегося за ней кабинета шла вразрез как с внешним, так и с внутренним обликом здания. Леви шагнула туда.

Темный интерьер комнаты резко контрастировал с потрескавшимися белыми стенами лестничной площадки. Даже внутренняя сторона двери отличалась от наружной: снаружи дверь была побелена и казалась неприметной, изнутри – тщательно отполирована, с сияющей бронзовой ручкой. Кто-то постарался замаскировать комнату снаружи и в то же время потратил кучу денег, чтобы изнутри она производила совершенно иное впечатление.

Четыре жертвы.

Леви отметила четыре простыни, аккуратно расстеленные на полу кабинета. Под каждой лежало тело. Если бы дело происходило в сериале, тел и простыней уже не было бы. Их бы заменили на очерченные мелом или желтой лентой силуэты. Такова типичная черта полицейских сериалов, авторы которых плохо изучили вопрос. В реальности передвинуть жертву с риском уничтожить улики можно только ради спасения жизни. Но раз жертва уже умерла, спешить некуда. В этом случае приоритетом считается ничего не потревожить на месте преступления, поэтому тела остались на своих местах.

«Этим ребятам уже никто, кроме бога, не поможет», – подумала Леви.

Комната была просторной, почти во весь этаж. На противоположной от двери стороне стоял внушительный стол красного дерева в комплекте с кожаным креслом с высокой спинкой. И стол, и кресло были больше остальной мебели в комнате. Недвусмысленный намек на значительность владельца стола.

Картины на стене выглядели дорого. Леви не разбиралась в живописи – на это у нее не хватало времени, – но ей доводилось видеть признанные произведения искусства, и в них всегда было нечто особенное. Леви видела это особенное и сейчас: в картинах, мебели, расставленных по комнате бронзовых статуэтках.

Все это она рассмотрела за несколько секунд, после чего ее взгляд наконец упал на Стивена Хейла, стоящего в дальнем конце комнаты.

– Я смотрю, ты сегодня приоделся, Стив, – окликнула его Леви.

На этот раз Хейл был в костюме с галстуком, а не в белом комбинезоне, как в спальне Лонгмана. Это выделяло его среди остальных: все в комнате, кроме Леви, были одеты в белую форму криминалистов.

Услышав свое имя, Хейл повернулся и увидел Леви.

– Пробки, мэм? – спросил он, подходя.

«Снова на работе, снова формальности», – подумала Леви, не в первый раз замечая, что в костюме и тяжелых ботинках Хейл выглядит как типичнейший полицейский. Высокий, мощного телосложения, возможно, чуть-чуть потерявший форму. Но все еще внушительный, с отпечатком жизни, полной жестокости, на лице.

– Кошмарные, – ответила Леви. – Что нам известно?

– Чуть больше, чем час назад, когда я вам позвонил, – ответил Хейл. – Мы немножко поболтали с владельцем ломбарда, когда он пришел открывать свое заведение. Поразительно, насколько откровенными они становятся, чтобы избежать обыска.

– Как то, что он тебе рассказал, помогло ему избежать обыска?

– А оно и не помогло, – улыбнувшись, ответил Хейл. – Но он же этого не знает, правда?

Леви кивнула. Она привыкла, что Хейл получает удовольствие от скользкой стороны их профессии. Ей самой совсем не нравился этот аспект их работы – после шести лет в Шин-Бете Леви была сыта по горло обманом, – но иногда он бывал необходим. И когда наступал такой случай, она была благодарна Хейлу за энтузиазм.

– Так что он тебе рассказал? – спросила Леви.

Хейл указал на прикрытое простыней крупное тело, лежавшее ближе всего к двери.

– Ну для начала у нас тут не кто иной, как Леон Феррис. Вам ведь знакомо это имя?

– Черт. – Ее реакция была ясным ответом на вопрос. – Да. Я знаю, кто это.

– Причина смерти уже установлена, – продолжил Хейл. – Одно-единственное ножевое ранение, нанесенное под подбородок. Нож до сих пор у него в мозгу.

– Под подбородок?

– Да, мэм. Под нижнюю челюсть. Единственное место в черепе, кроме глаз, куда можно вонзить нож, минуя кость.

– Кто-то проделал такое с Леоном Феррисом? – Это расходилось со всем, что Леви знала о криминальном бароне. Феррис был чудовищем. Настолько жестоким и безжалостным, какие только бывают.

«Как кому-то вообще удалось подобраться к нему достаточно близко, чтобы убить таким способом?»

– Они с убийцей должны были стоять лицом к лицу, правильно? – спросила Леви, заглушая свое неверие.

– По словам Дэвида, да. Скорее всего.

Хейл мог иметь в виду только Дэвида Кристи, патологоанатома, работавшего с командой Леви. Насколько она поняла, он был здесь и уже ушел.

Хейл продолжил:

– Иначе нож никак не мог проникнуть под таким углом.

– Черт, – повторила Леви. Отвернулась от первой простыни. Та уже предвещала проблемы. Может, с остальными проще будет разобраться. – Кто тут еще?

– Этого паренька мы не знаем, – ответил Хейл, поворачиваясь к простыне, лежавшей ближе всего к Феррису. – Кто-то из его ребят, если верить владельцу ломбарда. Он не знает, как его звали. А вот остальные нам точно известны.

– Кто они?

Хейл указал на следующую простыню, и Леви вдруг увидела, что эти три тела составляют почти ровную линию.

– Здесь Харви Эллис, – сказал он, после чего повернулся к четвертой простыне, лежащей дальше от остальных. На другой стороне комнаты. – А там Кевин Теннант.

Леви ответила не сразу. Убийство Леона Ферриса – то, как он встретил свой конец, – беспокоило ее. Но и тех двоих она тоже знала. Оба были жестокими, опасными людьми. Мысль о том, что их всех могли прикончить одновременно, да к тому же на собственной территории, звучала нелепо.

Однако вот же лежали их трупы.

– Просто бред какой-то.

– В каком смысле, мэм?

– Одно дело убить в драке Леона Ферриса. Не то чтобы, конечно, я знала многих, кто на такое способен. Но и Теннанта с Эллисом тоже? Все трое суровые мужики с серьезными репутациями. Кто, черт возьми, мог это сделать?

– Сложно сказать. Еще рано делать...

– Я не спрашивала ответа, Стив. Даже СМИ не ожидают результатов так скоро. – Леви продолжила обходить кабинет, отмечая малейшие детали. – Пока Феррис сидел в тюрьме, его делами заправлял Эллис, правильно?

– Правильно.

– Что, в принципе, ничего не меняло. Так когда Феррис вышел?

– Вчера.

– Шутишь? – ошарашенно переспросила Леви. – То есть их замочили, когда с освобождения Ферриса не прошло и суток?

– Скорее двенадцать часов, если верить Дэвиду. Он определил, что смерть наступила не позднее десяти вечера.

Леви тяжело выдохнула. Этого ей сейчас не нужно. Учитывая, что они только начали расследовать убийство Лонгмана, время крайне неподходящее.

– Есть предположения, сколько понадобилось человек, чтобы убить всех четверых?

– Мы думаем, один или два.

Леви резко взглянула на него. Даже четверо против четверых казалось невероятным, учитывая личности жертв.

– Продолжай. – Она не стала пытаться скрыть скептицизм.

– Слушайте, я понимаю, как это звучит, – начал Хейл. – Но все на это указывает. Посмотрите на комнату. Почти все на своих местах. Если бы здесь было трое, четверо или даже пятеро нападавших, после них непременно остался бы беспорядок. К тому же тела лежат слишком близко, а значит, убийцы бы друг другу только мешали. И потом, несколько человек не смогли бы проникнуть в комнату незаметно. Их было бы слышно еще за дверью, это дало бы жертвам время среагировать. Однако на первых трех телах нет следов того, что они защищались, следовательно, их застали врасплох.

– Я понимаю ход твоих мыслей, – уступила Леви. – Мы знаем, как они все умерли?

– Неизвестному пареньку перерезали горло. Эллиса убили одним ударом в сердце. Дэвид не нашел больше никаких повреждений. И, исходя из положения тел, получается, что Эллиса, Ферриса и неизвестного убил один человек. Эллис лежит всего в шаге от неизвестного, поэтому опять же второй убийца только путался бы под ногами.

– То есть наша версия: один человек убил всех троих, по сути, одним плавно переходящим движением?

– Получается так.

– А что с Теннантом? – Леви махнула рукой через комнату. – Он лежит в стороне от остальных, значит ли это, что с ним расправился второй убийца?

– Пока неясно, мэм. Возможно. Или тот же самый.

– Причина смерти?

– Он был убит вон той статуэткой. – Хейл показал на большую бронзовую фигурку на полу возле тела, прикрытую останками убитого ею человека. Единственная деталь, которую Леви не заметила. – Ему проломили ею голову. Как минимум три удара.

Леви задумчиво посмотрела на Теннанта. Если отрешиться от того, кем были жертвы, то версия казалась логичной.

– Если ты прав, похоже, у нас здесь поработал профессионал, – наконец заключила Леви. – Это не бандитские разборки. Слишком уж чисто.

– Потому-то нас и вызвали, мэм. Парни из «Трезубца» думают то же самое. Они считают, конкурирующая банда наняла киллера. Такие ситуации не их профиль, поэтому начальство решило привлечь нас.

– Чтобы мы работали вместе с «Трезубцем»? Или вместо них?

Леви страшилась ответа. Оперативная группа «Трезубец» была особым подразделением полиции Лондона, занимающаяся исключительно борьбой с организованной преступностью. И, насколько Леви было известно по опыту общения с ними, их методы отличались от методов ее группы по расследованию особо важных преступлений, как небо от земли.

– Работали вместе, – ответил Хейл почти извиняющимся тоном.

Леви глубоко вздохнула и покачала головой. Убийство Филиппа Лонгмана уже вызывало у нее головную боль. А теперь еще это.

Два самых необычных убийства менее чем за сутки. Да еще осложнение в виде работы с «Трезубцем».

Впервые за все время службы в полиции Леви забеспокоилась. Возможно, на этот раз на ее долю выпало больше, чем то, с чем она в состоянии справиться.

Девятнадцать

Сара откинулась на стуле. Тот был удобным, сетчатым и повторял форму тела. Еще девятнадцать таких же стульев вместе с ним окружали стеклянный стол в зале заседаний. Каждый из них стоил 400 фунтов, а значит, 8 000 в сумме ушло на то, чтобы заполнить комнату репортеры могли с комфортом разместить свои тушки.

«А потом они удивляются, почему канал не приносит доход», – подумала Сара.

Из оставшихся стульев только половина была занята. Восемь – репортерами из отдела внутренних новостей, где работала и Сара, десятый – Джеймсом Элтоном, главным редактором ITN в Британии.

Статус Элтона требовал, чтобы тот сидел во главе стола. Статус Сары – старшего корреспондента в отделе внутренних новостей ITN – помещал ее ближе всех к Элтону, справа от него.

А также означал, что Элтон – ее непосредственный босс.

– Что у нас по убийству Лонгмана? – спросил Элтон. Вопрос был адресован Саре. – Есть что-нибудь, что можно включить в следующие новости?

– Нет, – ответила Сара. – Полиция не показывает нам своих карт. Не раскрывает деталей. Пока что мы можем только повторить то, что сообщили вчера.

– А мы не можем ничего выудить из тех, кто присутствовал на месте преступления? Кого-нибудь из полицейских?

– Только не из этой команды, Джеймс, – ответила Сара. Хотелось бы ей, чтобы у нее были более радужные новости. – Это дело расследуют не простые копы, а группа Скотленд-Ярда по расследованию особо важных преступлений. Если им велят не болтать, они не болтают.

Элтон кивнул. Сара догадывалась, о чем он думает. Люди в его положении редко принимали «нет» как ответ. Но иногда – лишь иногда – «нет» было единственным ответом, который они могли получить. Вопрос состоял в том, доверял ли он инстинктам Сары, утверждавшей, что сейчас как раз такой случай.

– А что насчет семьи? – наконец спросил Элтон. Сара поняла, что босс решил довериться чутью своего репортера. – Мы можем что-то узнать через его детей? Кто-нибудь с ними связывался?

– Из нас – нет.

– А кто тогда?

– Практически все. BBC. CNN. Sky. Они все толпятся у сыновей Лонгмана на пороге в надежде раздобыть информацию.

Поведение Элтона молниеносно изменилось. Ответ ему явно не понравился.

– И почему же мы этого не сделали? – спросил он с нескрываемым раздражением.

– Потому что я разговаривала с близким знакомым семьи сегодня утром, – ответила Сара, скрыв, что это был Дерек Рид. – И точно знаю, какую реакцию мы получили бы от сыновей Лонгмана, если бы тоже заявили к ним на порог.

Элтон почти улыбнулся. Ответ Сары смягчил раздражение, по крайней мере на миг. Но он все еще хотел большего.

– Полагаю, эту же реакцию получили и остальные? – спросил он.

– Именно, – ответила Сара. – Гнев и поломанные камеры. Можно не опасаться конкуренции с их стороны: они не узнали ничего стоящего, только подпортили себе имидж, тыча микрофонами в лицо сыновьям Лонгмана. Особенно после того, что этим людям пришлось пережить.

– Так каков твой план? Как ты собираешься заполучить информацию теперь, когда другие каналы облажались?

– Что касается семьи, то мы подождем. Через несколько дней, когда они немного успокоятся, мой источник договорится, чтобы они встретились с нами. Только с нами.

– С чего они станут это делать?

– С того, что семья целиком и полностью доверяет моему источнику. А он, в свою очередь, доверяет мне. Он знает, что в какой-то момент им придется поговорить с прессой. Это неизбежно, когда дело касается такого известного человека, как Филипп Лонгман. И он знает, что если они поговорят с мной, то я отнесусь к полученной информации со всей возможной деликатностью.

Элтон снова улыбнулся. И снова Сара знала почему.

Околачивание чужих порогов было тем, что Саре меньше всего нравилось в профессии репортера. Мысль о том, чтобы навязывать свое присутствие людям, которые только что понесли невосполнимую утрату, была ей глубоко неприятна. Но два года назад, когда она сама понесла утрату, – и встретила Майкла, по иронии судьбы, у него же на пороге, – эта идея стала казаться невыносимой. Теперь Сара понимала горе тех, кто пережил трагедию, и тем сильнее это побуждало ее избегать подобных действий.

Неприязнь вынуждала ее искать альтернативу. Другие способы получить информацию. Иными словами, делала ее лучшим репортером.

«Вот поэтому, – подумала Сара, – он и улыбается».

– Хорошая работа. Правда, – наконец сказал Элтон. – Хотя несколько не помогает нам с сегодняшними новостями. Как думаешь, когда полиция уже начнет делиться информацией?

– Я правда не знаю. Странно, что прошло столько времени, а они все молчат. Но, с другой стороны, это необычное дело, учитывая статус жертвы. В любом случае мы договорились, что будем первыми, с кем они поделятся, когда наконец будут готовы.

– Хорошо. – Элтон не выглядел довольным, но, кажется, вновь смирился с ответом Сары. – Просто держи руку на пульсе, ладно? Оставайся на связи с семьей Лонгмана и с полицией.

– Непременно, – ответила Сара. – Я позабочусь, чтобы мы были впереди всех, когда придет время.

Теперь Элтон обратился к остальным:

– О'кей. Дело Лонгмана мы пока откладываем в долгий ящик. Так что же нам сегодня показывать в новостях?

Семь из восьми остальных корреспондентов одновременно открыли папки, чтобы представить подготовленные ими новости. Восьмой – Алекс Редвуд – оставил свою нетронутую. Ему не нужно было заглядывать в бумаги, чтобы рассказать свою новость.

– Я знаю, что мы покажем. – Голос Редвуда был глубоким, но чистым. Каждый свой слог он произносил с безукоризненно четким английским произношением. Все присутствующие повернулись к нему.

– Что у тебя? – спросил Элтон.

– Еще одно убийство.

– Где?

– Саутволд, графство Саффолк.

– Городок на побережье?

– Тот самый. – Редвуд был на редкость уверен в себе. Сара всегда это замечала. И сейчас его ответ только укрепил ее в этом мнении. – И касательно этого убийства нам известны детали.

Сара знала, что последние слова адресованы ей.

Ей известно было, что Редвуд не разделяет ее неприязнь к темной стороне их профессии. Он несколько не гнушался околачивать пороги или раскрывать информацию, делавшую сюжет более пикантным. Зачастую это была информация, которую он никак не мог добыть законным путем, что больше всего беспокоило Сару.

– Жертва – еще один старик, – продолжал Редвуд. Произнося эти слова, он посмотрел на Сару, и его губы сложились в самодовольную улыбку.

«Вот сволочь, – подумала Сара. – Он действительно верит, что у нас соревнование. Кто предоставит лучшего мертвого старика».

Редвуд повернулся обратно к Элтону и следующие свои слова произнес с преувеличенным драматизмом:

– Его убили кошмарным способом.

– Ой, не тяни кота за хвост, Алекс. – На Элтона явно не произвела впечатление манера Редвуда делать эффектные паузы. – Что нам известно? Коротко и ясно.

– На месте преступления кровавая баня. – Редвуд перестал паясничать и перешел к фактам. – Жертву распяли, Джеймс. Буквально.

По комнате прокатилась волна шепотков.

Такого Сара не ожидала. И, судя по реакции остальных, никто не ожидал. Включая Элтона.

– Распяли? – переспросил он недоверчивым голосом. – Ты уверен?

– Абсолютно. И на этом еще не все. Ему отрезали яйца и запихнули в рот. Изрезали все тело. Выпустили кровь, как животному на убой.

Сара едва могла поверить в то, что слышит. За годы работы репортером она повидала достаточно, и на нее перестали производить впечатление всякие ужасы. Изнасилования. Убийства.

«Но не это. Такое для меня внове».

Детали вызвали у нее вопросы.

– В полиции считают, что это убийство по религиозным мотивам? Раз жертву распяли.

– Да, это их основная теория. По мне, так это, наверное, мусульманские экстремисты.

– Где нашли тело? – спросила Сара.

– В доме жертвы. В Саутволде. Судя по всему, его убили в гостиной.

– В доме был кто-то еще?

– Помимо того, кто его распял?

– Не умничай, Алекс, – вмешался Элтон. – Просто ответь на вопрос.

Редвуд поступил, как ему велели.

– Нет, Сара, больше никого не было, – ответил он уже без сарказма. – Убитый жил один. Пенсионер.

– На месте преступления было еще что-нибудь, что указывало бы на такой мотив? Послание? Видео?

Инстинкты Сары зашевелились. Что-то здесь было не так.

– Нет, если верить моему источнику, – ответил Редвуд, и в его голосе проскользнуло нетерпение. – Но распятие говорит само за себя, разве нет?

– Может быть, – сказала Сара, ответы Редвуда помогли ей сформулировать витавшую в голове мысль. – Но почерк не сходится. Обычно экстремисты хотят зрелищности. Либо шокирующее число убитых, либо шокирующее убийство у всех на глазах. Здесь же убит один человек, без свидетелей.

– Что ты хочешь сказать?

– Что нам не стоит спешить с выводами, – ответила Сара. – И нужно подать эту новость очень осторожно. Лучше не упоминать о религиозном экстремизме, по крайней мере пока это не подтвердят в полиции.

Редвуд открыл рот, чтобы что-то сказать, но ему помешал Элтон, подняв руку и покачав головой.

– Согласен, – сказал Элтон. Потом посмотрел прямо на Редвуда. – К этой новости нужно подойти со всей ответственностью. Мы не хотим, чтобы нас обвинили в разжигании вражды к мусульманам, особенно если окажется, что они не замешаны.

Элтон повернулся к Саре.

– Хочешь забрать себе?

Сара посмотрела на Редвуда. Предложение Элтона было соблазнительным. Не потому, что ей хотелось заполучить этот сюжет, а потому, что она с удовольствием посмотрела бы, как Редвуд его потеряет.

«Этот беспринципный козел только того и заслуживает, – подумала Сара. – Ведь он никак не мог узнать все это этическим путем».

– Нет, – наконец ответила она. Ее собственная мораль возобладала. – Это новость Алекса. К тому же у меня нет контактов в полиции Саффолка, как у него. Вряд ли они будут готовы сотрудничать со мной.

Редвуд не выказал ни малейшей благодарности за великодушие Сары. Наоборот, разозлился, что ей вообще предложили его сюжет. Ему не нужно было говорить это вслух, Сара и так поняла.

– Тогда, значит, новость остается у тебя, Алекс, – сказал Элтон. – У распятого есть имя?

– Адам Блант.

При звуках этого имени Сару будто молотком огрели. Она слышала его раньше. Давно и не так часто. Но что-то было с ним связано. Мысли Сары завертелись, она стала перебирать давно забытые воспоминания, пытаясь осознать, что могло значить это имя.

– Ты знаешь о нем еще что-нибудь? – спросила Сара.

– Нет. Ничего, – впервые за весь разговор Редвуд выказал неуверенность. – А что?

– Я не... Я думаю...

«Вот оно!»

Сара едва сдерживалась.

– А что? – снова спросил Редвуд.

– А то, что я уже слышала об Адаме Бланте, – наконец объяснила она. – Он был адвокатом, Майкл упоминал о нем. Солиситор. Они вместе вели несколько дел, когда Майкл был совсем молодым. Но когда мы познакомились, они уже не пересекались; я знаю его имя только потому, что какое-то время назад Майкла пригласили на вечеринку по случаю выхода Бланта на пенсию. Он не пошел, и я помню почему: он терпеть не мог этого человека. И еще он сказал, что многие его коллеги испытывали те же чувства. Потому-то мне и запомнилось это имя. Майкл редко испытывает неприязнь к людям. Удивительный случай, что он кого-то терпеть не может.

– Очень интересно было послушать про твою личную жизнь, – не скрывая нетерпения, перебил Редвуд, – но я не сомневаюсь, что в мире полно Адамов Блантов, Сара. Вероятность, что это тот же самый человек, стремится к нулю.

– Я это понимаю, Алекс, – ответила Сара. – Но еще я знаю, что другие совпадения усиливают вероятность. Если позволишь мне закончить, то сам увидишь. Все дело в той вечеринке по поводу выхода на пенсию, куда Майкл не пошел. Догадайся, где Блант хотел поселиться на пенсии?

Редвуд не ответил. Ему и не нужно было. Выражение его лица говорило само за себя.

Поэтому вместо него ответил Элтон:

– Саутволд, графство Саффолк?

– Саутволд, графство Саффолк, – подтвердила Сара. – И если вчера ночью убили того самого Адама Бланта, то это уже второй юрист, у которого было полно недоброжелателей, убитый с особой жестокостью менее чем через сутки после первого.

Она повернулась к Редвуду:

– Ну и какова вероятность, что два этих убийства не связаны?

Двадцать

Майкл ждал Дерека Рида в гостиной, прислушиваясь к стуку тарелок и позвякиванию столовых приборов на кухне, где Рид готовил обед, на чем настоял ранее.

Майкл все еще чувствовал себя неудобно, когда навещал Рида в этом доме, который раньше принадлежал ему. Домик в Ислингтоне из холостяцких времен. Те времена давно ушли в прошлое, и воспоминания о событиях, которыми они завершились, никогда больше не позволят Майклу называть это место домом.

Первый этаж кардинально отличался от того, каким был, когда здесь жил Майкл. Урон, нанесенный взрывом бомбы почти два года назад, требовал обстоятельной перделки.

Майкл оплатил ремонтные работы, но так и не вернулся.

Затем сюда въехал недавно разведенный и нуждавшийся в жилье Рид. На тот момент Майкл разрывался между Лондоном и Белфастом, пытаясь разобраться с делами убитого брата, Лиамы Кейси, не забрасывая при этом работу в столице. Это были тяжелые несколько месяцев – эмоциональные и напряженные, – поэтому Майкл был рад, что есть кому приглядеть за домом: одной заботой меньше.

Их договоренность оставалась в силе и после того, как Майкл перестал мотаться туда-обратно из Лондона, сделал предложение Саре и переехал в Челси, в дом, который подарил на помолвку отец Сары. Этот подарок позволил Риду и дальше жить в ислингтонском доме Майкла, где он и оставался, выплачивая символическую арендную плату другу, который больше не нуждался в деньгах.

Рид вошел в комнату, неся большой поднос с открытой бутылкой вина, двумя бокалами, двумя пустыми тарелками и отнюдь не пустой доской для резки. На деревянной доске он аккуратно разложил всевозможную снедь. Дорогой хамон из откормленных желудями свиней. Ассорти твердых и голубых сыров. Свежие овощи: перец, огурцы, помидоры, сельдерей – дольками, чтобы проще было есть. Их дополняли овощи, вяленые и запеченные. И в довершение всего – хлеб из пекарни.

Все это богатство производило внушительное впечатление, но меньшего от Рида, даже пребывавшего в горе, Майкл и не ожидал.

– Налетай.

С этими словами Рид указал на доску. Сам он уже щедро накладывал себе в тарелку вяленый испанский окорок.

– Ну что, как ты?

Майклу только сейчас выпала возможность задать этот неизбежный вопрос. Когда он пришел, Рид проводил его в гостиную и сразу же исчез на кухне.

– Ты не поверишь, что с ним сделали, Майк.

Рид произнес это, не отрывая глаз от доски. Не прекращая накладывать еду в тарелку.

Когда он наконец выпрямился и посмотрел на Майкла, в его глазах стояли слезы.

– Это ужасно. Ужасно.

– Как он умер? – Майкл не стал бы спрашивать, если бы Рид не заговорил об этом первым.

– Его распяли, Майк. Избили, изрезали и распяли, мать твою!

Майкл не знал, что отвечать. Рид едва сдерживал бушующие эмоции.

– Это... просто... уму непостижимо. – Майкл не смог придумать других слов.

– Вот-вот. Никогда о таком не слышал.

– Только не обижайся, но ты точно уверен? В прессе об этом ни слова. И Сара ничего мне такого не рассказывала, хотя она говорила с инспектором, ведущим дело. Откуда ты узнал?

– От ведущего дело инспектора, – ответил Рид. – Детектива по фамилии Леви. Она сказала Расселу. Точнее, подтвердила. После того как ему рассказал кто-то из ее команды.

Наверное, он не должен был передавать мне, раз это закрытая информация, но так уж вышло. Филиппа распяли, Майкл. Обескровили, отрезали яйца и положили их ему в рот.

– Господи Иисусе. – Майкл мгновенно сообразил, что это выражение здесь неуместно. Продолжил: – Ты рассказывал Саре, когда говорил с ней?

– Когда я говорил с ней, я еще не знал, – ответил Рид.

«Это все объясняет, – подумал Майкл. – Тогда понятно, почему она мне ничего не сказала».

Он продолжил разговор.

– У полиции есть подозреваемые? Хоть кто-то?

– Непохоже. Рассел говорит, что Леви производит впечатление человека, знающего свое дело. И кажется, она полна решимости найти убийцу. Но, как я понял, у них нет никаких зацепок.

– Я знаю Леви. – Майкл охотно воспользовался возможностью сказать что-нибудь позитивное. Обнадеживающее. – Джоэль Леви. Мы пересекались в суде последние несколько лет.

– Я о ней слышал, – сказал Рид. – Но никогда не встречал лично. Говорят, она хороший детектив. Это правда?

– Отличный, Дерек. То, что нужно для такого дела.

– Не слишком ли молода?

– Примерно того же возраста, что и я, плюс-минус несколько лет, – ответил Майкл. – Но гораздо разумнее меня и полна энтузиазма.

– По описанию похоже на типаж Майкла Девлина. – Впервые с момента их встречи Рид улыбнулся. – Ты ничего не хочешь мне о ней рассказать?

– Нечего мне тебе рассказывать! Вообще!

Не успел Майкл договорить, как они с Ридом уже хохотали. Майкл смеялся в основном от облегчения, радуясь тому, что его друг все еще на это способен, несмотря на все, что ему пришлось пережить за последние сутки.

Они продолжали хихикать, пока не повисла уютная тишина. Такая, какая случается только между настоящими друзьями, уверенными в своей дружбе.

Они расправились с оставшейся на доске едой, причем Рид съел вдвое больше Майкла. Когда еда закончилась, они снова заговорили.

– Ты так и не ответил на вопрос. – Взяв бокал с вином, Майкл откинулся в удобном кресле и посмотрел Риду в глаза. – Как ты?

– Бывало и лучше, – прямо ответил Рид, как и ожидал от него Майкл. Близким друзьям не нужно скрывать правду. – Услышать о смерти Филиппа было уже тяжело. Но узнать, как его убили... Я едва справился, Майк.

Майкл кивнул, показывая, что понимает, но ничего не ответил.

– Если бы не было Рассела... Если бы не нужно было его поддерживать... Только это мне и помогло.

И снова глаза Рида наполнились слезами. Майкл инстинктивно положил руку на правое колено друга. Ободряюще сжал.

– Я понимаю, каково тебе, приятель, – сказал Майкл, зная, что Рид – один из немногих людей, которым известно его прошлое. – Я понимаю, какую пустоту ты ощущаешь. Тебе кажется, что ты не сможешь жить с этой дырой в сердце. Это будет чертовски тяжело, но ты выдержишь.

Пока Майкл говорил, по щекам Рида потекли слезы.

– Я пережил то же самое, Дерек. Тебе лучше всех это известно. Я потерял друга, который был так же близок мне, как Филипп – тебе. И брата. Я видел, как Лиам погиб. Поверь мне, я хотел погибнуть вместе с ним. С ними обоими.

Я не верил, что смогу жить дальше после того, как их не стало. После того, что с ними случилось. И дня не проходит, чтобы я не думал о них, Дерек. Я просыпаюсь, думая о них, и так же засыпаю. Но мы продолжаем жить дальше. То ли это в человеческой природе, то ли мы стали такими в результате эволюции, не знаю, но мы всегда продолжаем жить дальше. Что-то помогает нам двигаться вперед. Даже снова смеяться. Возможно, сейчас ты мне не поверишь, но тебе станет легче. Ты никогда не забудешь Филиппа, Дерек. Но тебе станет легче.

Рид ничего не ответил. Теперь его слезы текли ручьями. Майкл и сам прослезился, вспомнив о собственных утратах.

Им не нужно было ничего говорить. Вместо этого Рид положил ладонь на руку Майкла и сжал. Другого ответа Майклу и не требовалось.

Несколько минут они сидели молча. Допили вино. Сначала Рид, а вслед за ним и Майкл. Майкл наполнил бокалы и сделал глоток, прежде чем снова заговорил.

– Я встретился с Дженни Дрейпер, – наконец сказал он.

– Что думаешь о ней? – спросил Рид, вытирая слезы.

– Она производит отличное впечатление, – ответил Майкл. – И знает себе цену.

– И?

– И ничего! – Майкл заметил лукавство в глазах Рида. – Саре совершенно не о чем беспокоиться.

– Возможно, Дженни считает иначе, – засмеялся Рид. Шутка рассеяла печаль, окутавшую комнату. – Так что поосторожнее с ней, старина.

– Буду смотреть в оба. – Майкл только рад был поддразниванию Рида. Это доказывало его слова. Рид не утратил способности смеяться. – В любом случае, раз ты все время про это твердишь, не было ли чего у тебя с Дженни?

Рид фыркнул, поперхнувшись вином, которое только что отхлебнул. Оно выплеснулось у него и изо рта, и из носа.

– У меня? – проревел Рид, восстановив дыхание. – Боже, Майк. Разве похоже, будто ее раздавил слон?

Оба разразились хохотом, и Майкл все еще посмеивался, когда в кармане джинсов завибрировал телефон. Он достал его, и комнату наполнили звуки песни The Black Eyed Peas «Boom Boom Pow», поставленной на Сару.

Жестом попросив прощения, Майкл поднялся и вышел в коридор, прежде чем приложить телефон к уху.

– Привет, красавица. Что нового?

– Привет, прости, я только спросить кое-что по-быстрому. Помнишь, ты как-то упоминал одного солиситора? Который вышел на пенсию. Его же звали Адам Блант?

Улыбка Майкла испарилась. Ее сменило замешательство. Адам Блант было не тем именем, которое ему хотелось бы слышать.

– Да, все верно, – ответил он, стараясь говорить тише. Риду было бы еще неприятнее слышать это имя, и Майкл не хотел испортить относительно хорошее настроение, которого с таким трудом добился. – А что?

– Я правильно помню, что он поселился в месте под названием Саутволд?

– Да, так мне говорили. Почему ты спрашиваешь?

– Ты, случайно, не знаешь его адрес?

– Так не вспомню. Наверняка он есть в конторе. На случай, если возникнут вопросы по делам, которые он вел. Позвони туда, тебе скажут.

– А Дерек? Он не знает?

– Нет уж, – твердо ответил Майкл. – Я не буду спрашивать у Дерека. Блант – наша большая мозоль, я не стану на нее наступать, когда Дерек в таком состоянии. И вообще зачем он тебе?

Когда Сара рассказала ему, Майкл почувствовал, как бледнеет. От одного слова в особенности кровь застыла у него в жилах.

«Распяли».

Он не сразу осмыслил услышанное. Но после этого связь стала очевидной.

– Сара, – наконец сказал Майкл. – Думаю, тебе нужно знать, как умер Филипп Лонгман.

Двадцать один

Четыре группы по расследованию особо важных преступлений занимали примерно треть пятого этажа Скотленд-Ярда.

Большая часть этой площади была отведена под общую рабочую зону для всех групп. В виде открытого пространства. Отдельно находились камеры хранения вещдоков. Эта часть была меньше, но не намного. Камеры предназначались для улики, собранных в ходе текущих расследований и необходимых для грядущих судебных разбирательств.

Здесь же находились кабинеты старших сотрудников.

Убойным отделом управления по борьбе с преступностью руководил главный суперинтендант Дэвид Роджерс, поэтому технически четыре группы по расследованию особо важных преступлений находились под его началом. К этой должности, имевшей важное политическое и общественное значение, прилагались самый большой кабинет и право принимать окончательное решение по любым вопросам. В повседневную работу четырех команд главный суперинтендант, однако, не вмешивался.

Следующей по званию была суперинтендант Кэрол Уокер. Она исполняла административную работу, которая, в глазах большинства, входила в обязанности Роджерса.

Далее следовали Джоэль Леви и три других главных инспектора. Каждый отвечал за свою группу по расследованию особо важных преступлений и за пятьдесят полицейских, приписанных к группе. Именно главные инспекторы руководили повседневной работой четырех команд; это было высокое звание, позволявшее рассчитывать на приличный кабинет, но все же недостаточно высокое, чтобы им не приходилось самим марать руки.

Стивен Хейл был одним из четырех инспекторов, служивших под началом Леви в группе номер один по расследованию особо важных преступлений, и тем, кому она больше всех доверяла. Ничто из вышеперечисленного никак не влияло на его право иметь отдельный кабинет. Как и трое его коллег того же звания из команды номер один, Хейл вынужден был вместе с остальными двумястами членами четырех групп каждый раз искать себе свободный стол в обновленном офисном пространстве, которое теперь напоминало скорее кофейню в Сиэтле, нежели полицейский участок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.